

Кортик Универмаг

Кончились короткие зимние каникулы. Ребяшня со всех сторон потянулась к школе, которая самым большим зданием раскинулась в центре посёлка. Хотя Зеленогорск был и небольшим, но детворы в нём было много – жили здесь папы и мамы сплошь молодые и чуть постарше. Так что школа, хоть и большая, но была уже давно перегружена, особенно в младших классах.

Поэтому совсем рядом заканчивалось строительство другой, точно такой же двухэтажной школы, а пока учиться приходилось в две смены, да и то – битком.

Вовка со своими друзьями учился уже в четвёртом классе, и сегодня они обычным порядком поспешали со своей улицы Донской мимо строящегося базара, мимо универмага. На универмаге следует остановиться. Размещался он, несмотря на громкое название, в обыкновенном бараке, откуда убрали все внутренние перегородки. Но независимо от этого он долгое время оставался одним из главных культурных центров для зеленогорцев всех возрастов.

В универмаге продавали действительно всё.... Разве что машину в нём нельзя было купить, да и то лишь потому, что тогда их вообще не продавали в магазинах. Часами свободные от вахт нефтяники, их жёны толкались от прилавка к прилавку, которые тянулись вдоль стен длинного барака.

Не всегда что-то покупая, здесь всегда обменивались новостями, промывали косточки городскому и нефтяному начальству, а там и своим добрым соседям, и делали ещё много разных интересных дел.

На небольшой площади перед универмагом толпилось несколько ларьков, в которых продавали всякую всячину по мелочи и пиво, что притягивало отдыхающих нефтяников даже сильнее, чем сам универмаг.

Ребята по пути в школу и обратно тоже непременно заскакивали в магазин, чтобы поглазеть по разным яркостям на витринах и полках, и... погреться, когда уж совсем было морозно. Дело в том, что в переполненной школе раздевалка находилась в крохотном подвальном помещении и получить быстро пальто или куртку после уроков, когда одновременно в подвал устремлялось до сотни и более школяров, можно было только обладая сверхсилой, умноженной на сверхнаглость.

Поскольку такими качествами ни Вовка, ни его друзья не обладали, то, потоптавшись пару-тройку раз в душном подвале, они решили ходить на уроки вообще без пальто, чем поначалу ввергли в большую панику своих матерей. Но мать братьев Венедиктовых что-то слышала о закаливании и они смирились, тем более, что быстрого хода до школы было не более пяти-семи минут...

В этот первый день третьей четверти в детском отделе (другие отделы ребят не интересовали) Вовку напоял сразила новинка. Это был почти настоящий морской кортик в ножнах, украшенных разноцветной эмалью и белой морской португеей. Он излучал великолепие и силу, сверкая из-за спины развесёлой продавщицы тёти Кати.

Вслед за Вовкой и другие ребята разинули рты на чудо-кортик... Однако в школу опаздывать не годилось и через пару минут они уже рассаживались под залиvistый звонок по своим партам.

Уроки первого дня прошли быстро, тем более для Вовки, который так и остался в гипнотическом сне после универмага. Хорошо, что в первый день после каникул к доске не вызывают.

«Целых десять рублей!.. Где взять такие деньги?..» – без остановки сверлило в голове.

Вовка твёрдо решил, что кортик непременно будет его.

«У матери все деньги расписаны, отец – как мать скажет... может, Генка хоть немного даст...» – снова и снова прокручивал Вовка варианты.

Вообще-то Вовкина семья не бедствовала, хотя из шести человек работал только один отец, который на тракторном кране строил нефтяные вышки. Генка работал всего третий месяц учеником, и его зарплата была пока не в счёт.

После уроков, скатившись со второго этажа прямо на улицу, ребята, конечно же, снова заскочили в магазин. Кор-

тик висел на своём месте. Продащицу отдела игрушек знала вся детвора от мала до велика.

-Тётъ Катъ, а сколько их штук? – кивнул Вовка.

-Не бойся - для тебя припрячу. Вижу уже с обеда, - не оборачиваясь на разноцветные полки, сразу ответила добрая тётя Катя.

Вовка громко вздохнул, и пацаны тем же скорым маршем потопали от магазина.

Дома, как всегда, возле плиты копошилась мать, двое младших шуршали какими-то побрякушками под столом, в комнате... Вовка заглянул в питьевые вёдра, увидел, что воды на доньшке.

-Мам, я за водой! – схватил он коромысло.

Мать несколько удивлённо глянула на Вовку, когда тот, взгромоздив тяжёлые вёдра на лавку возле печи, взялся за вёдра с варевом для поросят. В посёлке во всех дворах за редким исключением, мычала и хрюкала, заливалась петухами разная живность, без которой прожить было ещё очень трудно, хотя после войны прошло уже больше десяти лет.

-Не спеши - вместе пойдём...

Мать приготовила поило для коровы, и скоро в хлевной сараюшке раздалось довольное поросычье чавканье и лёгкий хруст сена, которое Вовка надёргал на сеновале для любимицы всей семьи – коровы Рыжухи.

По пути в барак мать повернулась к Вовке:

-Чего это ты сегодня?.. Ай надо чего?..

Вовка спрятал голову за охапку дров, которую он сбросал на себя из поленницы возле сарая и промолчал.

До прихода отца с работы Вовка в этот вечер ещё успел подмести полы в комнате и в кухне, помог матери начистить картошки к ужину, дважды утихомиривал не в меру расшумевшихся в своём углу младших.

Генка прискочил раньше отца, быстро переоделся, перехватил что-то на кухне и умчался по своим понятным делам. Вовка не успел к нему даже подступиться.

Отец долго стягивал с себя зимние вышкомонтажные доспехи. Полнодневная работа на зимних полевых ветрахставляла натягивать на себя всё, что было возможно. А вокруг отца прыгала малышня, ожидая своего.

Наконец, отец приобрёл домашний вид и достал из своей полевой сумки заветную бутылку тёмного лесного сока. С высоты своих лет Вовка уже знал, что это обыкновенный чай с вареньем, в меру охлаждённый в продуваемой

тракторной кабине. Отец каждое утро брал с собой лишнюю бутылку утреннего чая и вечером угощал им шалевших от радости пацанят...

После ужина с картошкой, капустой, огурцами Вовка долго ждал случая, чтобы заговорить.

-Пап, в универмаге кортики продают, - помимо воли вдруг вырвалось к нему без всякой подготовки.

Отец сидел на маленькой скамеечке и подшивал про-смолённой дратвой валенки одному из младших, которые уже дружно сопели в своей кровати, умаявшись за день.

-Чего продают? – не понял он Вовкиной нечленораз-дельности.

-Кортик морской... он такой... такой...

Вовка вдруг почувствовал, что сейчас ни с того, ни се-го расплачется и, судорожно икнув, продавил вглубь комок из горла.

-Ты что это?.. – отец, повернувшись на скамеечке, при-гляделся к Вовке.

-Кортик морской, - повторил Вовка. – За десять руб-лей, - не слыша себя, бормотал он.

Отец отложил шило и валенок, с минуту смотрел в чёрное промозглое окно. Ещё раз взглянул на едва дышавше-го Вовку, бросил в кухню:

-Мать, иди-ка сюда... а ты иди пока в коридор - там твоя пацанва уже давно бесится...

Вовка с ватными ушами и туманом в глазах выбрался за дверь, где в этот час был самый разгар коридорных бата-лий. К Вовке сразу же подбежали Васёк и Витька Венедик-тов. Захлёбываясь в телячьем восторге потянули за руку.

-Чего стоишь?.. Пошли на улицу!.. Там такую кучу снега бульдозер насыпал!..

Столбом прислонившись к стене, Вовка молча не реа-гировал...

Ребята, видно что-то поняли и пропали из поля зрения. Сколько времени прошло?.. Уже и шум в коридоре начал стихать. Наконец, Вовка услышал сквозь вату голос отца:

-Чего стоишь?.. Хватит уже по коридору шляться...

Он, наверное, подумал, что Вовка всё это время раз-влекался вместе с другими. Дома отец не стал тянуть:

-Ладно... мать вон говорит, что ты сегодня за всех ей помогал – завтра пойдёшь, купишь...

Мать из кухни:

-Айда, ладно... Он всегда мне хорошо помогает, пускай купит... ещё лучше помогать будет.

Вовка, толком не сознавая суть услышанного, но уже понимая, что у него будет кортик, молча кивал головой.

Двое

...Зимняя ночь тянулась так долго, словно все прожитые Вовкой ночи вместе взятые. Он слышал, как пришёл со своей гулянки старший брат Генка, с которым они спали в одной большой кровати. Повернувшись лицом стене, сделал вид, что крепко спит...

За окном была ещё чёрная темень, когда, наконец, загорелся свет в кухне, и мать тихонько стала звякать утренней посудой. Растолкали Генку и скоро они с отцом ушли на вахтовый автовокзал.

А до девяти часов, когда открывался магазин, было ещё бесконечно далеко. Вовка соскочил с кровати почти сразу же, как ушли старшие. Вышел на кухню, где мать готовила завтрак для живности... На немой вопрос кивнула на небольшую буфетную горку. Там лежала одна бумажка, и было на ней изображено одно число – ровно десять.

Не зная, как убить время, Вовка заглянул в вёдра – воды было ещё много. Дрова тоже лежали на жестянке возле печи. Схватил Антошку – здоровенного кота, который уже получил своё, крутясь возле материных ног. Запрыгнул с ним снова в кровать, ещё не остывшую.

Кот сыто заурчал, едва разместившись на Вовкином животе, но Вовке было не до разговоров со своим любимцем. Он смотрел на громко тикающие часы, которые начали просвечиваться в рассветных сумерках и полосках света, бивших из кухни.

Из коридора барака стал доноситься просыпающийся шум. Взрослые мужчины почти все работали на нефть, и ушли одновременно с Вовкиными. А теперь хозяйки нешумно переговаривались по-соседски из двери в дверь, заверещали самые маленькие...

Наконец, мать позвала его в кухню, они взяли полные вёдра, и направились сквозь раннюю темень кормить Рыжуху и поросят. Эти полчаса прошли сравнительно быстро, но оставался ещё целый час, когда Вовка, насилу перекусив, взял из буфета деньги.

В магазин он шёл большими кругами, дошёл аж до Первого посёлка, потом обошёл ледовую поверхность пруда, заполненного до краёв только прошлым летом. Постепенно ноги привели его снова до базара, где ларьки уже всю торговали пивом.

Рядом с магазином Вовке полезли в голову всякие страшные мысли:

«А вдруг сегодня игрушечный отдел будет закрыт – ведь такое иногда бывает... или тётя Катя заболит и не придёт на работу... а вдруг она забыла и продала кому-нибудь последний кортик...»

Совсем рассвело. Вовка заметил, что в небольшую дверь со стороны магазинного двора стали заходить продавщицы, в том числе и тётя Катя, отчего Вовке сделалось немного легче.

Наконец, открылась дверь и для покупателей, которых к открытию всегда накапливалось немало. Протиснувшись за взрослыми, Вовка вошёл в тёплый, пахнущий новыми вещами воздух. Возле детского прилавка уже стояло около десятка человек, Вовка пристроился сзади. Он совсем успокоился – кортик висел на своём месте...

Вовка живо представлял, как сейчас добрая тётя Катя достанет из коробки кортик в упаковке, как они вместе с ней развернут его, и как великолепный морской кортик засияет в его руках.

«Я его сразу пристегну на пояс, - упоённо мечтал Вовка, медленно передвигаясь вдоль прилавка. – И сразу к пацанам на Овражную - то-то все рты разинут...»

Неожиданно его внимание привлекла странная пара с котомками за плечами, стоявшая за два-три человека впереди него. Мужчина неопределённого возраста был одет во что-то похожее на солдатскую шинель. В нескольких местах шинель была порвана и грубо перехвачена толстыми суровыми нитками. На шее намотана какая-то не то просто тряпка, не то женский платок, на голове странной формы кепка с большим козырьком...

Лицо мужика заросло то ли клочковатой щетиной, то ли бородой и цвета оно было розовато-синюшного, может, от холода, а может, от чего то ещё. Из-под шинели выглядывали остатки кирзовых сапог, перевязанных в голенищах и подмётках обмотками и верёвками. Мужик шевелил губами, перебирая что-то в руках...

Рядом, задрвав голову, заглядывал в лицо мужику пацанёнок примерно одного возраста с Вовкой. Вовка его не сразу и заметил из-за небольшой, но всё же толчеи. Одет мальчишка был почти так же как и взрослый, только вместо шинели на нём топорщились лохмотья стёганой ватной фуфайки. Вата ключьями торчала из многочисленных дыр. Но первое, что бросилось в глаза – это забинтованная или замотанная кусками грязной марли голова пацанёнка.

-Ну что? - почти шёпотом спрашивал мальчишка старшего.

-Не хватает десять рублей, - глухо проронил, наконец, мужчина

Теперь Вовка заметил, что перед мужиком на прилавке лежит обыкновенная шапка, и понял, что мальчишка замотался марлей, спасаясь от зимней стужи.

-Давай ещё посидим – здесь хорошо подают, быстро наберём, - скорым шёпотом вытянул мужика за рукав из очереди мальчишка, и они заспешили из магазина к выходу...

Вовка посмотрел им вслед и снова усталился на кортик.... Но, странное дело: кортика он не видел, перед глазами белела обязанная голова, в ушах стоял быстрый шёпот мальчишки, ему показалось, что у него мёрзнет голова...

Быстро выскользнув из тихо переговаривающейся очереди, Вовка вышел из магазина, и сразу заметил тех двоих, хотя и сидели они в разных углах площади. Он подошёл ближе к пацану, заглянул в жестянку из-под каких-то консервов – там уныло поблёскивали несколько медяков и беленьких. Может, нефтяники и на самом деле подавали больше, чем в других краях, но здесь тоже не было молочных рек с кисельными берегами.

С того самого момента, как Вовка вышел из дома, он держал правую руку в кармане куцега пальтишки, зажав в ней деньги. И сейчас, стоя несколько поодаль от сидящего на дощечке мальчишки, он мысленно прощался с кортиком, держа также руку в кармане...

Мальчишка крутил головой вслед за прохожими, кивал и бормотал слова благодарности, если кто-то бросал в банку монеты. Вдруг он резко подскочил, попрыгал на месте, оттянув бинты потёр сначала одно ухо, потом второе и снова сел на свою фанерку...

Вовка вытащил руку из кармана, быстро подошёл и сунул десятку мальчишке. Тот недоумённо глянул на него, потом на деньги... конечно же, он никогда не видел столько

денег сразу и быстро прошёл к старшему. Старший, что-то невнятно проговорив, увлёк мальчишку за собой в магазин. До самых дверей пацан шёл, не отрывая глаз от Вовки, и молчал.

Скоро они вышли. Мальчишка уже успел снять свои серые бинты, и был в новой шапке. Оба ещё раз молча посмотрели на Вовку, и пошли вниз по улице...

«Наверное, на автовокзал...» – тихо подумал Вовка.

Он смотрел на странные фигуры до самого конца, до тех пор, пока они не скрылись на одном из перекрёстков. Мальчишка тоже несколько раз оглядывался, поспешая за старшим. Он то и дело подпрыгивал по воробьиному, поправляя свою маленькую котомку...

Перелом В больнице

Недавно началась третья четверть, которая считалась самой длинной в учебном году. Откатались санками и лыжами с утра до вечера зимние каникулы в лесах и оврагах, и на пустыре напротив улицы Овражной... Само собой, санки и лыжи никуда не заброшены, но теперь очередь до них будет доходить только после школьных уроков, да в выходные с праздниками.

В Зеленогорске редкие зимы были малоснежные и обычно при расчистке дорог и тротуаров на месте когда-то зелёных газонов вырастали настоящие горные цепи и хребты. Снег в этом январе был хоть и небольшой, но сыпал почти каждый день, всё прибавляя и прибавляя высоту снежных вершин.

Как хорошо, выскочив из душного класса с его уже надоевшими за несколько дней уроками, побросать портфели под ближний забор, и лихо, с разбега взобраться на самый пик снежного хребта, чтобы потом катиться оттуда через голову и ноги, и сбоку на бок до самого низа...

А сверху на тебя тем же путём сыпятся твои друзья и вот уже внизу куча-мала, и твоя задача во что бы то ни стало выбраться между чьими-то ногами, головами, руками и ушами из этой кучи-малы и снова взобраться на самый её верх, чтобы потом, в свою очередь, лететь вниз, столкнутым более удачливым соперником...

Однажды Вовка докувыркался... и куча-мала-то была небольшая, но он так сильно исхитрился подвернуть свою левую ногу, что в ней что-то хрустнуло и резко заболело. На Вовкин крик куча-мала рассыпалась в разные стороны, но когда Вовка попытался встать, то в ноге ещё сильнее заболело и нога нисколько его не послушалась, а осталась лежать на снегу, как совсем чужая.

Вовка испугался, но не сильно. Васька Живаленко и Витёк попытались было его поднять, но в ноге ещё сильнее заболело, а кто-то уже сбегал в школу, которая была совсем рядом с кучей-малой и оттуда прибежали сразу две учительницы. Когда они вникли в суть, то поняли, что дело гораздо хуже, чем ожидалось.

-Никакой тут не вывих – тут, скорее всего, перелом бедра!..

В школе нашлись больничные носилки, и Вовку перенесли на диван в учительской, а приехавшие скоро по вызову врачи, сразу подтвердили догадку учительниц: сложный перелом левого бедра...

Врачи тут же забрали Вовку с собой.

В свои десять лет Вовка впервые оказался на больничной койке, да ещё с колёсиками.... И не просто с какой-то там сопливой скарлатиной или гриппом, а сразу с настоящим переломом, да ещё ноги в бедре. А это ранение куда серьезнее камня в голову при обороне укрепрайона на улице Овражной. Пусть даже оно получено не на поле боя, а в дружеской куче-мале...

Скоро приехала мать, которую привезли на той же больничной машине, что и Вовку – другой транспорт до больницы не ходил. Она глядела на Вовку с головы до ног и всё повторяла:

-Куда же ты всё лезешь вперёд всех?.. Зачем тебе эта куча-мала?...

Вовка угрюмо молчал. Его сломанная нога была пристёгнута к доске выше головы и почти совсем не болела. Но вот и врачи...

-Евдокия Ивановна, мы сейчас гипсовать будем, а вы пока погуляйте часок по двору да сильно не переживайте – он ведь у вас молодец...

Мать тихо вышла, прижимая платок к лицу.

-Ну, соколик, сейчас тебе придётся немного потерпеть...

-Я не соколик... я раненый в ногу русский солдат!..

-Да... ты у нас солдат и герой... а чтобы человек не хромал, ноги у него должны быть одинаковыми. Для этого мы твою раненую ножку чуть-чуть потянем и наложим гипс...

Конечно же было больно... Вовка даже два или три раза крикнул, вернее, это кричал не Вовка, а кто-то другой вместо него и против его воли...

-Молодец, солдат!.. Теперь сильно болеть уже не будет, а скоро и совсем перестанет.

На каталке его привезли в палату и переложили на койку. Снова зашла мать, напуганная и потрясённая страшным гипсом, который закрывал всю левую Вовкину ногу и всё тело ниже пояса.

-Наш главный врач – Никита Тимофеевич сказал, что такой перелом надо лечить не меньше двух месяцев, но у тебя кости молодые и должны срастись быстрее...

-Папка тоже был ранен пулей в ногу, а теперь и я буду лечиться от своего ранения...

Мать ещё долго сидела возле кровати, но вот и она попрощалась и ушла. Вовка остался в палате, но не один. Всего в палате стояло четыре кровати, две из них были пусты, а на той, что, как и Вовкина, стояла у окна, лежал уже взрослый дядька. По крайней мере, так показалось на первый взгляд Вовке. Он читал книгу, держа её почему-то высоко над головой. Когда мать вышла, сосед повернул голову к Вовке:

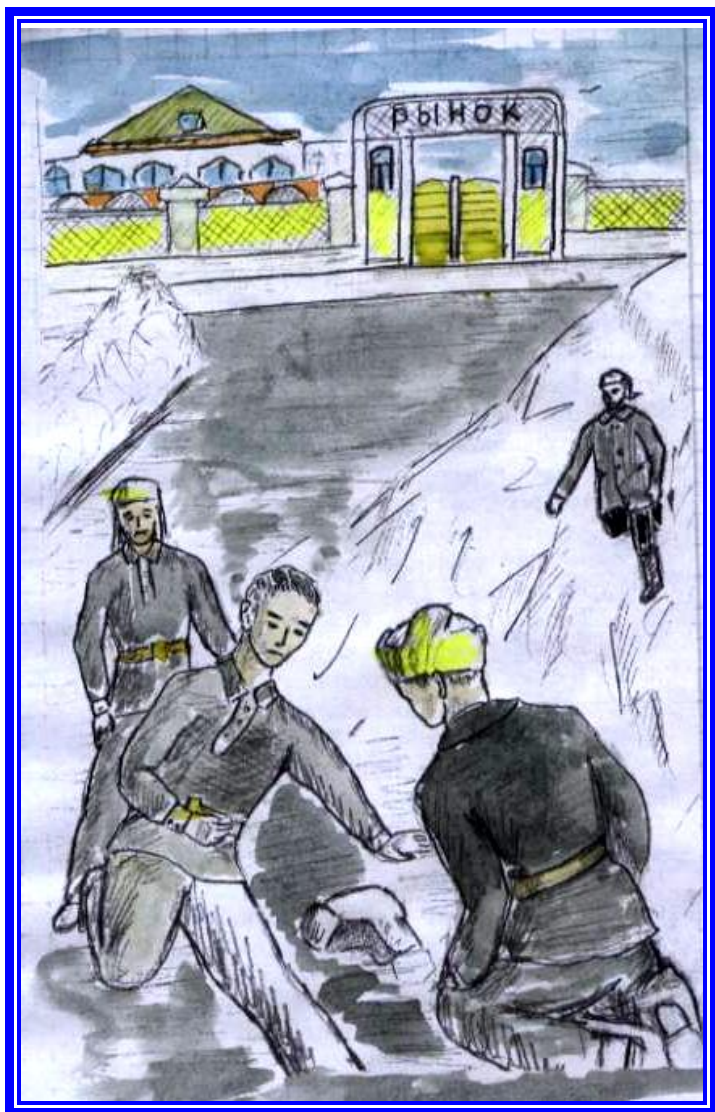
-Что?.. Нога оказалась лишней?.. Ну, если две ноги для тебя много, то теперь тут тебе и третью быстро приделают – будешь на всех трёх прыгать... говорят, что хорошо тренированные люди на трёх ногах бегают даже быстрее тех, у кого две ноги...

Вовке шутка рыжего дядьки не понравилась, и он упёрся взглядом в чисто-белый потолок больничной палаты.

-Да ты не обижайся... если хочешь знать, у меня ни одна нога пока не ходит и ещё неизвестно, будут ли ходить... Ну, ладно... я уже слышал, что тебя Вовкой зовут, а меня Иваном. Так что будем друзьями... соседям, а тем более в больнице, скандалить не положено...

Вовка теперь уже по-другому смотрел на рыжего соседа, и всё также молчал, а вскоре он, переживший за один день столько потрясений, беспокойно заснул. Ночью ему снились ноги, которые шли и бежали куда-то сами собой. Приснился и сосед совсем без ног.... И большие снежные горы, которые высились прямо до солнца и никак не хотели таять, даже соприкасаясь с ним.... А с гор катились его друзья Васёк, Шурка, Витёк и ещё кто-то, кого он никак не мог разобрать...

Утром его разбудили, он получил свой положенный укол и съел какие-то таблетки. Сосед так же, как и Вовка, постоянно лежал на спине и, если Вовкин гипс начинался от пятки и заканчивался на груди, то у него, как заметил Вовка,

гипс поднимался чуть ли не до горла. Потом он узнал, что у Ивана перелом позвоночника.

-Я недавно приехал сюда после армии поработать на нефти, да вот не повезло: упал с вышки и прямо на спину – хорошо, хоть не с самой верхотуры... родных здесь нет, знакомыми тоже не успел обзавестись... вот и скучаю тут потихоньку. С работы, правда, раз в неделю приходят и на том спасибо...

Вовка слушал грустную исповедь и молча думал:

«А у меня здесь и родных много и друзей... а уж знакомых и вовсе со счёта собьёшься. Сегодня обязательно придут... и завтра тоже, а потом и послезавтра...»

Зашёл Никита Тимофеевич с целой кучей других врачей в белых халатах.

-Ну, как, солдат, дела?.. Как нога?.. Сильно не болит под гипсом?

-Нет... совсем не болит... только очень повернуться хочется – вся спина занемела...

-Да... тут уж ничего не поделаешь – придётся потерпеть, солдат...

-Да я уж и так... - бодрился Вовка.

-Ну, а как у тебя дела? – повернулся Никита Тимофеевич, а за ним все остальные врачи к Ивану.

-Лежу вот...

Никита Тимофеевич приподнял одеяло, посмотрел на ноги Ивана.

-Ничего, Ванюша, у тебя тоже всё идёт нормально, но придётся ещё полежать.... Да ты не переживай сильно – у нас и не такие вставали на ноги.... Сейчас никто и не скажет, что когда-то они с ног до головы в гипсе были. Так что лежите пока, отдыхайте – сейчас ваш главный доктор время и крепкий сон...

И главврач с медперсоналом пошёл по другим палатам.

После обеда первыми прибежали пацаны. Дежурная медсестра завела их к Вовке, но строго предупредила:

-Вы только недолго здесь, а то он у нас самый маленький и ему нужно больше и крепче спать... и громко не разговаривайте...

Мальчишки осторожно расселись по табуреткам и кроватям. Они чувствовали себя горько виноватыми за вчерашнюю кучу-малу.

-Ты уж не злился на нас... мы и сами до сих пор не поймём, как это получилось...

-Да при чём тут вы?.. Кто внизу был, тому и досталось...

-Мы прямо со школы прибежали... на больничную гору долго карабкались, а по лесной тропинке до больницы быстро добежали...

...Зеленогорская больница несколькими своими бараками, беленькими и чистенькими как изнутри, так и снаружи, скромно пряталась среди вековых сосен на самом верху большого холма как раз над Первым посёлком.

Сюда не доходил никакой шум...

Когда Вовка ненадолго приоткрыл одеяло, и ребята увидели, что половина Вовки в гипсе, то они подавленно замолчали, раскрыв рты гораздо ниже подбородка.

-Да... прямо как черепаха... - наконец, громко сглотнул Васёк.

-И как это ты умудрился? – снова повторил Витёк и осторожно дотронулся до сухо шуршащего под одеялом твёрдого гипса

-Не бойся... гипс теперь как камень, покрепче, наверное, чем у черепахи...

Новостей никаких не было, и ребята надолго замолчали, посматривая то на Вовку, то на Ивана, который в своей необычной позе читал книжку.

-Валентина Фёдоровна сказала, что ты теперь из-за этого перелома можешь на второй год остаться, - наконец, вспомнил до этого всё время молчавший Шурка Иванчин. – Ведь третья четверть самая большая и самая главная...

Об этом Вовка до сих пор совсем и не задумывался: для него школа и уроки сразу куда-то канули после злосчастной кучи-малы.

-Как это на второй год?!.. Я же не двоечник!..

Вовке совсем не хотелось оставаться на второй год, и он крепко задумался. В школе ему чаще всего хватало, того, что рассказывала учительница на уроках. Дома он делал только письменные задания, но теперь в больнице он не слышал и того, что объясняет учительница.

-Что же делать? – вслух продолжал думать Вовка. – Вот что... вы мне принесите мой портфель с книжками... я тут буду сам учиться...

-Как это сам?!.. – через край удивились ребята. – Без учительницы?...

-А что тут такого?.. Вы мне будете приносить домашнее задание, и я здесь его буду делать, а потом вам передавать...

-Вот это правильно!.. И как это ты так быстро догадался?! – первым подскочил Шурка.

Так друзья и порешили. Каждый день кто-нибудь из них обязательно приходил и приносил Вовке домашнее задание. Чаще всего они вместе его и делали. Теперь медсёстры не ругались, когда ребята иногда часами были рядом с Вовкой. Иван тоже заинтересованно убирал свою толстую книжку и спорил с ребятами о способах решения арифметических задач, где и после какого слова ставить запятую...

Приходили каждый вечер мать или отец, братишки и сестрёнка. Один раз Генка из своей зарплаты ученика электрика притащил большой мешок мандаринов, который все вместе ели полдня.

Приходили и другие мальчишки и девчонки из класса, приносили, как и все, конфеты, пряники, компоты и другие разноразличные вкусные штуки, которые не спеша уничтожались Вовкой с помощью Ивана, ставшего настоящим другом всех ребят.

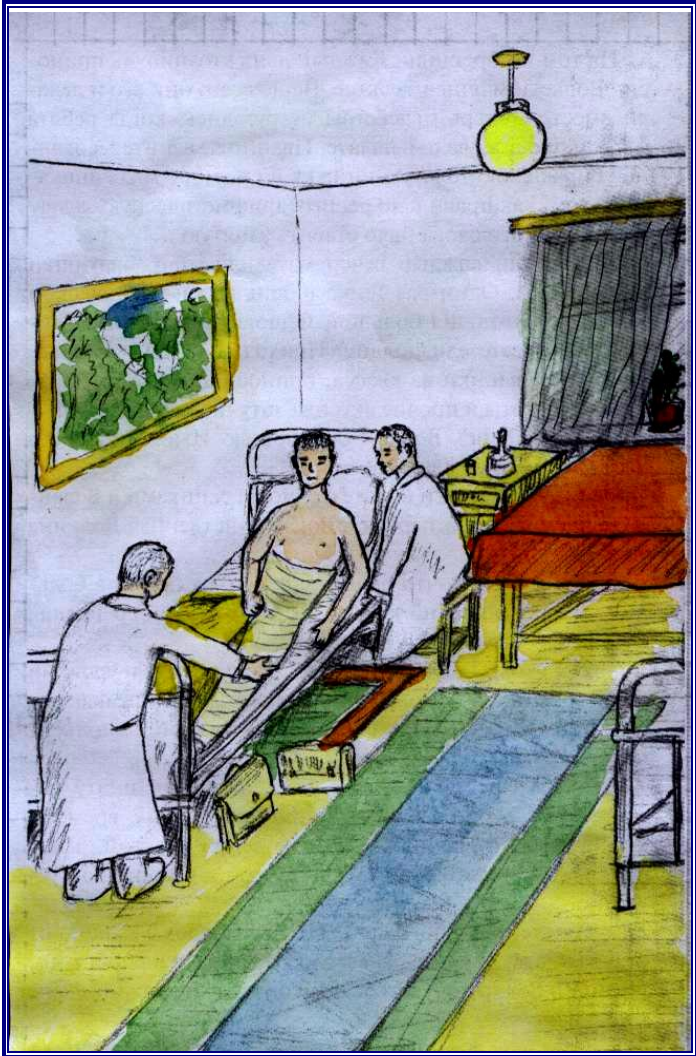
Побывала у Вовки вместе с одноклассниками и Валентина Фёдоровна – первая и пока единственная Вовкина учительница.

-Ты молодец, что решил заниматься прямо в больнице. Это тебе, да и всем твоим друзьям будет только на пользу? И в следующий класс вместе со всеми перейдёшь, и к самостоятельному обучению привыкнешь...

Так за уколами и таблетками, посещениями и уроками летели дни за днями. Вовка теперь иногда и вовсе забывал, какая же нога у него сломана?.. И только тяжело давящий неподъёмный гипс тут же напоминал о себе, стоило только чуть отвлечься от своих друзей.

Через месяц мать упростила всемогущего Никиту Тимофеевича выписать Вовку домой. К этому времени краснорыжий Иван тоже уже не лежал пластом, а мог полулежать и даже пытался сесть, но это ему пока удавалось плохо.

-Теперь без тебя снова скучно будет... не хочет народ в вашем посёлке болеть, - вроде бы весело высказался на прощанье Иван, но даже маленький Вовка почувствовал, что Ивану и на самом деле тоскливо.

-Мы тебя все вместе навещать будем, как только я смогу ходить, - утешал сквозь слёзы Вовка своего нового друга...

Дома Вовку поместили на специально сделанную отцом по указанию Никиты Тимофеевича кушетку, где его постоянно окружали всё те же многочисленные друзья и постоянно рядом присутствовавшие младшие братишка и сестрёнка.

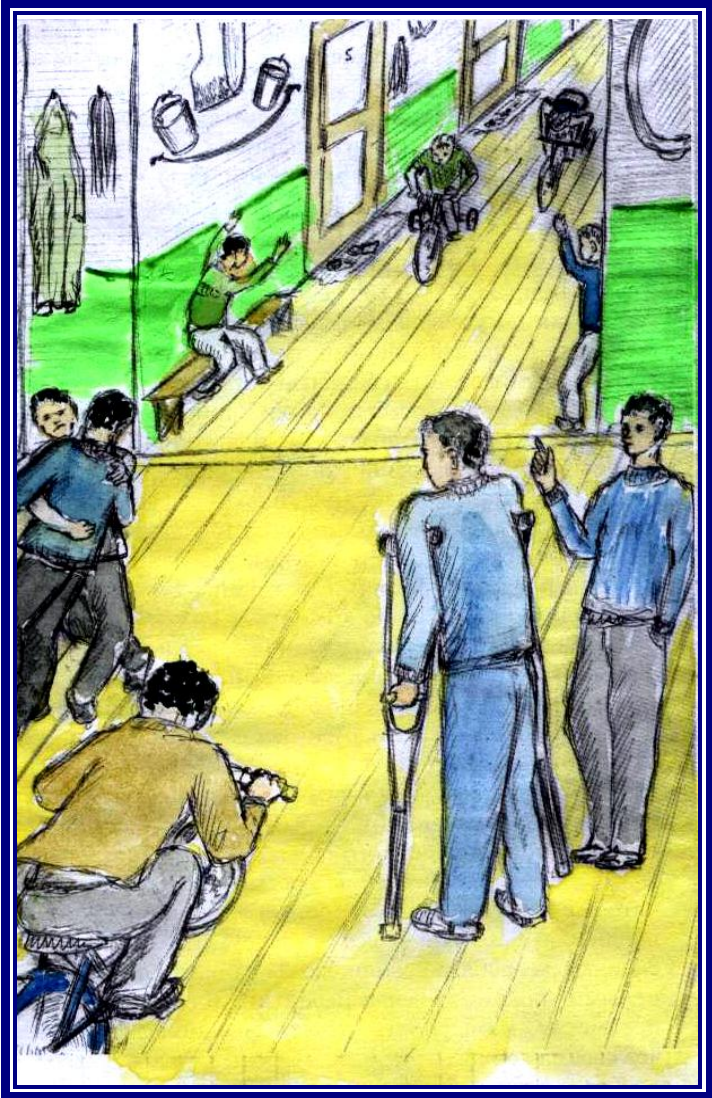
Но скоро мать заметила такой беспорядок и установила жёсткий график, который стал даже строже больничного. Она теперь разрешала друзьям видеться только по причине подготовки домашнего задания.

Лечение тоже шло своим чередом. Никита Тимофеевич раз в неделю навещал Вовку и однажды отец с его разрешения срезал часть гипса, и теперь Вовка мог спокойно сидеть и вообще дело пошло на поправку семимильными шагами. Он уже несколько раз пытался спустить с кушетки ногу в гипсе, чтобы потом попробовать встать, пока никого не было рядом, но даже остаток гипса был тяжёл, и он сразу начинал тянуть больную ногу.

Но, как сказал Никита Тимофеевич, время при Вовкином ранении было действительно главным доктором и, наконец, оно пришло и разрешило Вовке встать. Придерживаясь за спинку стула, Вовка уже несколько раз тренировался в одиночку. Зато сколько было потом радости у всех домашних, а потом и друзей, которые давно привыкли, что Вовка Панин постоянно лежачий...

Потихоньку Вовка стал передвигаться по комнате сначала с помощью стула, а потом и вовсе заковывал на костылях. Одно только нестерпимо мучило Вовку: нога под гипсом невыносимо чесалась. Что только он не придумывал, чтобы достать как можно дальше в узкую щель между каменным гипсом и телом для того, чтобы добиться хоть какого-то облегчения. Иногда за этим занятием уходили целые часы, но каждый день неумолимо приближал срок полного снятия ненавистного гипса, который назначил Никита Тимофеевич.

А пока Вовка на костылях волочил тяжеленную ногу и шастал не только по комнате и кухне, но и выходил в коридор, где весело наблюдал за пацанской беготнёй и всякими другими весёлыми забавами. Несколько раз ребята возили его на санках в школу, где он целыми уроками отвечал Валентине Фёдоровне по всем предметам, и опасность отстать от своих одноклассников исчезла сама собой и навсегда...

Когда отец, работая большими слесарными ножницами, еле-еле срезал, наконец, окончательно окаменевший гипс, то получилось, что Вовка на свет народился вновь. Он испытал самое сильное наслаждение в своей пока ещё маленькой жизни, когда тёплая вода чисто вымыла кожу, насквозь усохшую за время многодневного заключения под тяжёлой и большой гипсовой скорлупой.

Но Вовка ещё дней десять не мог обходиться без костылей: так и казалось, что лишившаяся своего твёрдого белого панциря нога вот-вот снова хрустнет и снова бесконечная больничная койка...

Но и тут всё обошлось, а ещё через несколько дней отец сгрёб в охапку гремящие костыли и увёз их в больницу.

Школьная третья четверть и больничные недели, превратившиеся в длинные месяцы, закончились почти одновременно – за окном перевалила середина марта.

Весна

Последняя снежная крупа вперемешку с тяжёлыми мокрыми хлопьями уже давно сократила время и частоту своего появления из никому неведомых высот. А тот снег, что уже давно обосновался на полянах, в лесах и оврагах, в огородах и садах, незаметно для глаз всё больше и больше прижимался к земле, становился всё плотнее и твёрже, словно надеялся так зацепиться и срастись с ней, чтобы никакая сила не смогла снять или оторвать его от тверди земной...

Но никто и не собирался этого делать. Даже, с каждым днём всё ярче светившее солнце, просто превращало большие и малые сугробы в талую воду, а вода, земля и солнце всё таки больше друзья, чем соперники. Вместе с солнцем, которое с каждым днём всё выше и выше поднимается над холмами вокруг посёлка, талая вода – главный признак набирающей силы весны.

Вода всюду... Она сначала каплями, а потом маленькими струйками стекает с крыш по сосулькам, вырывается из-под плотно укатанного снежно-ледового покрова на асфальте дорог и тротуаров. И чистая вода, и немного потемнее, одинаково ярко блестят в весенних лучах, отражая и разбрасывая в разные стороны мириады больших и маленьких солнечных зайчиков. Зайчики бегают по ближнему потемневшему снегу, по деревцам и кустикам, заигрывают с блестящей поверхностью весенней обуви прохожих.

Первыми со снегом растауются безлесные, луговые вершины холмов, повёрнутые своими бороздами – морщинами в сторону солнца. Потом снежный покров спускается по крутым и пологим склонам, стекая талой водой в подгорную речку. Речка по-хозяйски бережно и торопливо собирает в свои объятия всю воду, которая не просочилась в землю, чтобы напоить просыпающиеся корни деревьев и трав, и не поднялась утренним туманом к облакам, чтобы потом вылиться на землю где-то в другом месте.

Располневшая речка чуть ли не дугой выгибает свой зимний панцирь и однажды он не выдерживает и лопаётся в самом тонком месте, а вырвавшаяся вода течёт уже по льду, истончая его теперь и снизу и сверху.

Оторвавшийся от верхних берегов лёд тоже наступает, превращаясь в снежно-ледовую кашу – шугу сам, и помогая в этом льду нижнему. А скоро шуга, не уместившись в берегах, плывёт вниз, прихватывая с собой по пути всё, что не тонет – от пустой банки и разбитого ящика до старых деревьев, корни которых, не выдержав водного напора, отпускали их в первое и последнее дальнее, а может быть, и в совсем ближнее плавание.

Вот и шуга сошла, но ещё долго речка не заходит в свои исконные берега, от самого своего истока, подбирая маленькие и большие ручейки и ручьи с полей, лугов, и особенно долго из леса – ведь лес на первых весенних порах очень неохотно растаётся со снежной зимней шубой. Но и здесь остатки зимы молча отступают, понимая, что надо дать простор той юной поросли, которая пробивается вокруг.

Всё веселее весенние деньки, давно оттаяли поля и луга, а снег, если и остался, то лишь в лесных чащобах да глубоких оврагах. Опушки лесов, прогреваемые солнцем и тёплым ветерком, быстрее остального леса наполняют почки жизненной силой, черпая её из щедрых глубин родной земли. На опушках и вокруг лесных полян раньше появляется и первая, по-детски влажная и совсем слабенькая, но уже ярко-зелёная листва.

А как появляется новая травка на полянах?.. Кажется ещё вчера поляны были сплошь засорены прошлогодней пожухлой травой, а сегодня с утра они уже ярко зелёные, а куда делась серо-жёлтая старая – сразу не поймёшь... А может это как раз она и позеленела за ночь?..

Конечно же, не только солнце и вода несут с собой долгожданную весну. А как же грачи?..

Ведь они первыми из перелётных птиц появляются возле своих гнёзд, издали похожих на перевёрнутые мохнатые шапки горцев.

Грачи и грачихи со знанием дела осматривают долго пустовавшие квартиры, прикидывают ремонтные возможности, спорят и даже громко кричат друг на друга.... Но вот они принимают какое-то решение и каждый начинает заниматься своим делом. Грач тащит сучки и ветки, подправляя или вовсе переделывая плотные стенки гнезда, грачиха выстилает мягкой сухой травой и собственным пухом постельку для будущих крикливых, как и все дети, гратат...

За грачами, дождавшись устойчивого весеннего тепла, прилетают беспокойные скворцы. У многих скворцов капитальные квартиры. Они далеко высятся на шестах в садах и огородах, а в лесопарке и по опушкам лесов едва ли не каждое дерево украшено школьной ребячней затейливыми скворечниками...

И уж почти совсем к лету запюют и теплолюбивые жаворонки вместе с майскими соловьями, дроздами и множеством других больших и маленьких птиц, которые на все лады воспевают и прославляют чудесное время года – лето...

...В самый весенний разгар Вовка и его друзья решили навестить в больнице рыжего Ивана. Ещё как следует не окрепший Вовка, с большим трудом взобрался на крутую больницу гору, пришлось даже устроить большой привал на полянке возле по-весеннему радостно журчащего родника, чтобы не появится перед Иваном вконец запыхавшимися.

Ивана Вовка увидел... в коридоре. Тот запросто сидел на длинной скамейке и весело балагурил с девушкой в белом халате и такой же шапочке с красным крестиком. Вовка хорошо знал эту девушку по имени Надя. Она была медсестрой и часто делала ему уколы, мерила градусником его всегда нормальную температуру.

-Ба!.. Кого я вижу!.. Сам Вовка со своей гвардией, да ещё своим ходом... ну, здорово, солдат!..

Девушка Надя тоже поздоровалась с Вовкой, но ей надо было идти делать уколы другим больным и на её место присели ребята.

Вовка рассказал Ивану, как он лечился дома и продолжал учиться после выписки из больницы, продемонстрировал перед ним свою походку вдоль по коридору.

-А у тебя как дела?.. Видно тоже неплохо, раз уже по коридору запросто....

-Как видишь – хожу... Никита Тимофеевич обещался на днях гипс снять, а там уж недалеко и до выписки...

В светящемся весенним светом большом дверном проёме показалась невысокая, коренастая фигура в белом халате и высокой белой шапочке. Это был – лёгок на помине – сам Никита Тимофеевич.

-А... Вовка-солдат нас проведать пришёл... ну-ка, покажи свои боевые раны!..

Вовка пару раз прошёлся и перед Никитой Тимофеевичем, стараясь не волочить не отвыкшую ещё от перелома ногу.

-Молодец!.. Никаких следов... теперь тебе больше и больше ходить надо.... А вот бегом бегать и тем более прыгать через кучу-малу - это пока нельзя... а вы, друзья, приглашайте за ним, не больно-то стравливайте его...

Оробевшие и застеснявшиеся до невозможности на первый взгляд строгого доктора и больничной тишины, мальчишки только согласно кивали, уперевшись глазами в пол.

-Ну, Ванюша, послезавтра – это уже точно, и твой гипс снимем, а через пару недель и вовсе на выписку...

-Скорее бы уж... шкура под гипсом совсем закоростела... ох и намоюсь же я – целый день буду в душе сидеть...

-В душе – это потом, - поправил Ивана Никита Тимофеевич. - Мы для тебя специальную ванну сделаем со всякими полезными препаратами, и кожа твоя станет, как у младенца...

-Уж не знаю как вас и благодарить. И так уж вокруг меня....

-Для нас главная благодарность – ваше здоровье, - перебил Ивана Никита Тимофеевич, вставая со скамейки. – Шли бы вы во двор – смотрите, какое солнце....

И Вовкин добрый доктор Айболит направился дальше по своим делам и делам своих подопечных, а ребята немедленно последовали его совету, и заняли одну из солнечных скамеек в широком больничном дворе.

Зимой Вовка по понятной причине не мог даже из окна выглянуть во двор, и теперь он с интересом озирался вокруг. Высоченные сосны, точно такие, какие Вовка видел в «Родной речи» на картине Шишкина, почти сплошь усыпали территорию вокруг больничных барачков иголками и целыми

шишками, а между соснами пока жиденько поднимается кустарниковая акация.

«Интересно как: художник Шишкин рисовал шишки» - пришло на ум Вовке, но вслух он про свое открытие никому не сказал.

Асфальтовые дорожки так чисто выметены, что подсознательно хотелось сбросить ботинки и уж потом пройтись по ним от барака к бараку.

-Иван, а когда тебя выпишут, ты куда пойдёшь?.. Обратнo в свою бригаду?..

-Нет... мне пока в бригаду по здоровью нельзя будет.... Ко мне отец недавно из деревни приезжал – домой зовёт. Вот я и думаю поехать: буду в МТС работать, а со временем на тракториста или на шофёра выучусь.... Да и девушка у меня там есть – она с отцом приезжала и тоже зовёт...

Друзья ещё долго разговаривали на солнечной скамейке возле крыльца, слушали солдатские анекдоты и были бывшего сержанта из аэродромного обслуживания, задавали ему множество вопросов о лётчиках, самолётах и просто об армейской службе. Ведь все пацаны были твёрдо уверены, что придёт время, и они тоже наденут военную форму и возьмут в руки настоящее оружие.

Между разговорами съели кулёк яблок, который передала для Ивана Вовкина мать.

-В яблоках железа много, а оно кости крепче делает, - рассуждали и о пользе фруктов ребята.

...Прощавшись с Иваном и пожелав ему всего, что его душа желает, Вовка с друзьями направились домой, а на встречу им все поселковые улицы были до отказа заполнены яблоневым весенним цветом...

Привод Конструктор

Васёк и Вовка совсем помешались на всякого рода оружии. Из пушек и пулемётов в их отряде уже стояла целая батарея, грозно охранявшая большой укрепрайон с землянками и пустырём с площадками для строевых занятий и игр в клёк и городки. Но пушки и пулемёты всё-таки не стреляли, автоматы и винтовки, развешанные на стенах в землянках – тоже.

Луки со стрелами вполне годились для стрельбы по стенам деревянных сараев и по стволам деревьев в лесу, но всё это было не то. Ребята часами разглядывали в «Пособии для допризывника» разные наганы и пистолеты, срисовывали их на доски и выпиливали, но это, опять же, были хоть и красивые, но бесполезные макеты.

-Плохо, что в наших местах никакой войны не было, - иногда думали ребята. – Вот где война прошла, там пацаны много оружия всякого до сих пор находят...

Время шло. И Вовка и Васёк всё шире познавали мир, им уже наскучило листать и перелистывать «Пособие...», тем более, что Вовкин старший брат Генка уже давно имел собственноручный поджиг, который почти как настоящий пистолет грохал по двору и по оврагу.

Пистолет заряжался серой от спичечных головок и имел в стволе маленькое запальное отверстие вроде как у кремниевых ружей средневековья. Вместо пуль могли использоваться подходящие стальные шарики от разбитых подшипников или из свинца, закругленные из кусков кабельной изоляции.

Конечно, поджиг – это уже настоящее огнестрельное оружие, а не рогатка или даже лук со стрелами. Ребята понимали, что беспорядочная стрельба по улицам и переулкам может плохо кончиться. Поэтому стрелять уходили далеко в лес, где в одном из глухих оврагов они оборудовали свой собственный настоящий тир с мишенями из школьного тира,

где иногда тренировались старшеклассники по программе допризывника.

Но недолго Генкин однозарядный поджиг устраивал Вовку с Васькой. Ребята конструировали двуствольные и даже трёх и четырёхствольные поджиги, из которых раз за разом без перезарядки можно было выстрелить несколько раз – ровно по числу стволов. Но такая конструкция была всё-таки неудобна и громоздка – её нельзя было спрятать ни в какие штаны, а тем более под рубаху.

Где и как Васёк выкопал эту идею, но однажды он заявил Вовке и Шурке:

-Я сделаю с одним стволом, и он будет у меня многозарядный...

-Как это?.. Магазин что ли типа маузера хочешь приспособить...

-И без магазина обойдусь... хотя это как раз и будет вместо магазина...

Как ни пытали Ваську его друзья, больше он им так и ничего не сказал. А через недельку он перед самой школой (на дворе стоял сентябрь) зашёл к Вовке, который уже дожёвывал свой завтрак и был готов топтать в школу. Тут же слонялся и Шурка, поджидая обоих.

-Вот, - торжественно раскрыл свой заплечный ранец Васёк. – Я его уже разок испытывал, бабахает, как автомат...

Дома у Вовки никого не было, кроме младшего братишки, который ещё досыпал в своей дошкольной кровати. Васёк выложил свою конструкцию на табурет.

Это было что-то... ствол из стальной трубки калибром не меньше десяти миллиметров и длиннее обычного поджига, правда, ненамного. Рукоятка такая же... но самое главное – в задней части ствола не одно запальное отверстие, а целых четыре!..

-В один и тот же ствол я заряжаю сразу четыре заряда и стреляю, начиная от самого переднего, - разъяснил принцип действия оружейный конструктор Васёк.

Вовке смерть как захотелось попробовать пострелять из нового оружия, тем более Васёк сказал, что оно заряжено.

-В школу опоздаем, - недовольно забурчал Шурка, - и так уж нас ругают... давайте подождём до конца уроков...

Но какое там!.. Ребята вышли на заднее крыльцо барака. Проинструментированный Васькой Вовка держал поджиг за пазухой школьной гимнастёрки.

-Не вздумайте палить прямо отсюда! – опять попытался остановить азартных друзей Шурка. – Ох и попадёт же вам сегодня....

-Давай прямо в крыльцо стрельни и сразу побежим в школу, - поторопил Васёк Вовку, не обращая внимания на Шурку.

Вовка внимательно посмотрел по сторонам. На большом дворе и возле других бараков никого из взрослых пока не видно. Только далеко сбоку на куче песка возле сараев уже копошилась пара самых ранних и упрямых малышей.

Деревянная рукоятка пистолета удобно пристроилась в руке. Вовка прицелился в большой сучок на боковой стороне высокого крыльца и провёл спичечным коробком по всем четырём запалам. Потом, правда, Вовка так и не понял, сколько же у него прозвучало выстрелов, но то, что выстрелов было не меньше трёх – это точно.

Стоявший на крыльце Шурка срочно перебежал через барачный коридор на улицу, а Васёк с Вовкой воткнулись в стенку крыльца, изучая результаты стрельбы. Вместо тёмного сучка в доске зияло большое отверстие с белыми щепками вокруг.

-Вот это да!.. Вот это сила!..

-Точно попал!.. – радовался Васёк меткости своего пистолета...

А рядом с ними уже давно стоял... милиционер, который по каким-то делам пришёл в одну из комнат барака. Заслышав выстрелы, он и вышел на шум, где возле крыльца узрел двоих стрелков.

-Ну-ка дайте-ка сюда ваше оружие, ворошиловские стрелки...

Милиционер долго разглядывал чудо-оружие и даже спросил, как оно стреляет, на что Васёк добросовестно ответил.

-Эх, когда уж нам-то хотя бы такие пистолеты выдавать будут? – то ли в шутку, то ли всерьёз вздохнул милиционер. – А больше у вас нет таких?..

-Нет, но если надо, мы можем запросто сделать, - снова заторопился Васёк.

-Вот этого как раз и не надо. Вы понимаете, что из такого пистолета можно не только человека, но и быка пристрелить?..

-Так мы же не стреляем в людей, и даже в собак и кошек... никогда...

-Не хватало ещё, чтобы вы по людям стреляли, как в тире. Достаточно того, что вы светлым днём во дворе, где во всех углах люди ходят, стрельбу устроили... а вон детишки на песке играют и если бы пуля срикошетила и туда?!..

Ребята подавленно молчали.

-Дядя милиционер, нам в школу надо.... мы и так уже опоздали. А стрелять и поджиги делать мы больше не будем...

-А что я буду с вашим пистолетом теперь делать? Это оружие, из которого можно совершить преступление, а стрельба в общественных местах, которыми являются и дворы – это уже серьёзное преступление или, по крайней мере, злостное хулиганство и мне ничего не остаётся делать, как отвести вас в милицию для принятия мер...

На крыльце появился Шурка, который тоже не пошёл в школу, упорно дожидаясь своих друзей.

-Ага... ещё один стрелок... а ну спускайся сюда, показывай, что у тебя в портфеле...

Милиционер внимательно проверил содержимое Шуркиного портфеля и самого Шурку по штанам и за пазухой, но ничего там не нашёл.

-Ты можешь быть свободным и беги в школу, а эти друзья сегодня уже на уроки не пойдут...

Было видно, что Шурка напугался за судьбу своих друзей гораздо больше, чем сами виновники. Он сильно побледнел и только хлопал своими девчачьими ресницами, а в глазах даже что-то заблестело.

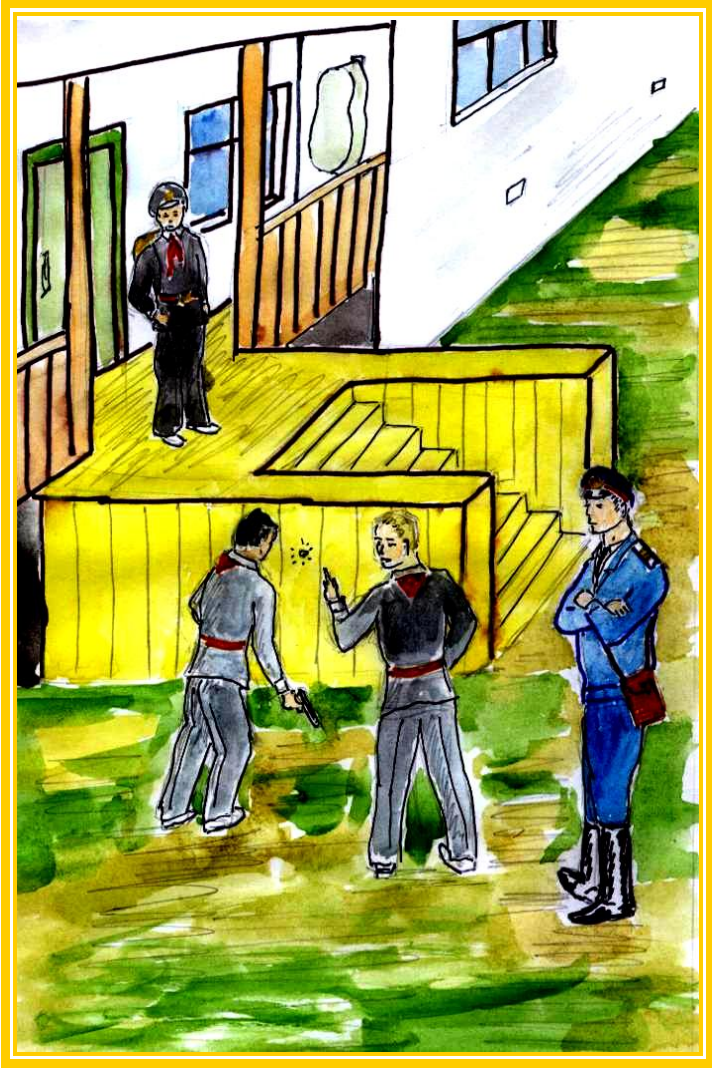
-Иди-иди, - подтолкнул его милиционер, - а мы спустимся в наш отдел.

В милиции

В длинном бараке, в котором располагался отдел милиции, он завёл ребят в одну из больших комнат, в середине которой одиноко стоял огромный бильярдный стол.

-Если хотите, можете пока потренироваться, прежде чем наш начальник решит, что с вами делать. Между прочим, тоже развивает точность и меткость глаза, даже получше, чем ваш пистолет и даже лук со стрелами...

Но ни Вовка, ни Васёк к бильярду не подошли, да они и не дотянулись бы до его зелёного сукна и шаров с кием в руках.

Ждали долго. Часов, конечно, у обоих не было, и ребята не знали сколько времени. Как ни странно, но очень скоро ребята поняли, что их никто не охраняет. Они даже несколько раз выходили на высокое крыльцо милиции, где на них тоже никто не обращал внимания. А тот милиционер, как в воду канул.

-Вовка, давай убежим и спрячемся в какой-нибудь землянке, - зашептал, наконец, Васёк в ухо Вовке. – Там нас никто не найдёт, а кушать нам пацаны будут носить...

-Да ты что?.. Все землянки разроют...

Вовка уже про это подумал, но их «арестовали» прямо возле своего барака, и он справедливо рассуждал, что рано или поздно их всё равно найдут, и тогда будет ещё хуже.

-Да, - согласился Васёк, - в землянке долго не проживёшь... Особенно зимой...

Долго толкались ребята по коридору милиции, изучили все плакаты, которые заполняли коридорные стены. На плакатах лица героев милиционеров и описание их подвигов, а также правила ношения форменной одежды от фуражек и шапок, до ботинок и сапог. Здесь же и плакаты с оружием.

-А наш милиционер сказал, что им оружия не дают, - вспомнил Васёк.

-А может, и правда не дают – это же только картинки на стене... наверное, не зря он так долго твой пистолет изучал...

Наконец, (лёгко на помине) в коридоре возник их милиционер.

-Ага, вот вы где!.. А я уже наряд с собаками хотел в сторону вашего барака послать...

Вовка сразу подумал, что тот шутит, но успел прошептать в ухо Васёке:

-А ты хотел в землянке спрятаться... уж с собаками-то они нас сразу бы там нашли...

-Вас сам начальник к себе требует... на весь Зеленогорск теперь прославитесь и всё благодаря мне, - продолжал весело скалить зубы милиционер. – А оружие ваше прямо в Московский музей криминалистики пойдёт... только вам за это никто спасибо не скажет...

Вовка пока не знал, что такое криминалистика и пропустил эти слова мимо ушей, думая про себя, что начальник, наверное, с ними по-хорошему долго разговаривать не будет, и запросто может посадить даже в тюрьму. Васёк, скорее всего, думал то же самое.

Начальник в кабинете оказался не один. Васькин поджиг рассматривал ещё какой-то человек в обыкновенном костюме, а не в форме.

-Так кто из вас смастерил этот пугач?..

-Я, - шагнул вперёд Васёк.

-А стрелял кто?

-Я, - встал Вовка рядом с Васькой...

-Эх, какие геройские парни... прямо хоть сейчас их на передовую с этим пистолетом, - засмеялся начальник с майорскими погонами. Вовка уже давно разобрался в воинских званиях не хуже, чем с таблицей умножения. – В каком классе учитесь?

-В пятом, - ответили сразу и Вовка и Васёк. – Во второй школе...

-Ты только посмотри на них... по двенадцать лет, а такими уже штуками занимаются. А что же с вами ещё лет через пять-шесть будет?.. Из автоматов и пулемётов будете по улицам строчить?...

Начальник замолчал. Ребята тяжело вздохнули.

-Так что же с ними будем делать? – повернулся штатский за столом к начальнику. – Они ведь снова сделают себе такие, и снова будут стрелять...

-Мы больше не бу-у-дем! – хором затаили Васёк и Вовка. – А стрелять и вовсе...

-И всё же надо их взять на заметку, а сегодня пусть напишут объяснительные... и с родителями надо будет поговорить. Кто у нас там участковый?..

Переговорить с родителями – это означало самое страшное. И Вовка и Васёк узнали почём фунт лиха вечером этого же дня. Вообще-то отец редко бил Вовку, как и других детей, мать чаще раздавала направо и налево шлепки и тумаки. Но иногда и отец круто брался за воспитание и сегодня получился как раз тот самый случай. У Вовки несколько дней горела задница после солдатского ремня, оставшегося у отца, наверное, ещё с фронта.

-Мне тоже попало, - делился с друзьями на другой день и оружейный конструктор Васёк. – Один раз отец даже по башке ремнём попал, - трогал Васёк приличную шишку на затылке.

Через день после памятного привода в милицию, ук-репрайон навестил участковый милиционер. Ребята и раньше знали его. Это был хороший друг отца братьев Венедиктовых. Он часто бывал в гостях у дяди Васи, они выпивали за

столиком в садике, и долго вели свои беседы, вспоминая минувшую войну – наверное, оба были разведчиками. Участкового звали дядя Мансур, и он, конечно же, видел ребячьи забавы в укрепрайоне, видел пушки, землянки, но в ребячью жизнь не вмешивался, так как наоборот считал, что ребята правильно делают, играя в войну, а не хулиганят днём и вечером по улицам и переулкам.

Но сегодня он подошёл к ребятам, когда от дяди Васиной калитки увидел, что Вовка и Васёк притопали в свои владения после школы.

-Так... вот мне интересно знать, что же всё-таки в ваших землянках творится?.. Может, там у вас оружейные склады, где хранится оружие наподобие того, что у вас милиционер отобрал?..

Он попытался по верёвочной лестнице заглянуть в подземные ходы, но, скорее всего, посчитал, что верёвочная лестница его не выдержит, и отказался от такой затеи.

-Да нет там ничего, кроме деревянных винтовок и автоматов, и луков со стрелами, - горячо убеждали дядю Мансура Вовка, Васёк и подоспевший Шурка. – Тот пистолет был в единственном числе...

Поверил или не поверил дядя Мансур, но больше попыток залезть в ребячьи землянки он не делал. А Вовка с Васькой всё же не выдержали и сделали себе новые многозарядные поджиги, но стрелять теперь ходили только далеко в овражистые и тёмные леса...

Дела и заботы Запруда

Летом в Зеленогорске иногда бывает жарко. Речка на улице Овражной хоть и называется речкой, но остаётся всё-таки ручьём. Самая большая глубина, которую можно было отыскать в речке возле панинского укрепрайона – чуть выше колена.

Такие ямки позволяли немного брызгать друг на друга чистой, холодной водицей, но это было всё не то. А всеобщие походы на пруд в первом посёлке затевались на целый день. Не тащиться же туда из-за того, чтобы нырнуть всего-навсего разок-другой.

А как бы хотелось сразу после строевых занятий или ремонтных работ в укрепрайоне, а то и после игры в клёк и городки, сразу бултыхнуться в воду по грудь и с головой, и поплыть, разрезая волны вдоль и поперёк.

-В Камышле запруду возле самой деревни сделали, - там пацаны с утра до вечера купаются, - высказался как-то Шурка, который ездил в ту сторону на стройку в кабине отцовского автокрана.

-Какие там пацаны?.. Раз-два и обчёлся. Это для гусей и уток сделали, - заспорил, как обычно Васёк. – И всё же кто там её сделал?..

-А я знаю?..

Вовка со своими командирами только что расколошматили несколько партий в городки и клёк, а ещё раньше провели ежедневные строевые занятия и теперь отдыхали на песчаном берегу своего ручья, изнывая от жары.

-В Камышле и правда мало пацанов, зато у нас целая орава, - вмешался он в разговор. – Если каждый бросит по лопате – вот тебе и запруда.

Шурка с Васькой разом подскочили на мягкой прибрежной травке.

-А что?!.. Давай попробуем!..

Самое главное – выбрать удобное для строительства место с отвесными берегами. В группу поиска подходящего речного рельефа для строительства запруды вошли все, кто в этот час оказался в укрепрайоне.

Неплохое место напрашивалось прямо тут же, под ногами, но Вовка сразу увидел, что под водой окажется одна из самых лучших обжитых землянок и пушки возле неё. Но если пушки можно как-никак перетащить повыше, то землянку пришлось бы строить на новом месте, а это всё-таки большая работа.

Сначала поднялись вверх против течения, дошли до высокой дорожной насыпи, через тело которой речка текла в большой бетонной трубе. Пацаны свободно ходили через неё, не сгибаясь. Выше дороги идти смысла не имело – далеко. Легче новую землянку построить, чем в такую даль каждый день таскаться, да и поселковый пруд не намного дальше.

Спустились вниз, и дошли до плахинских позиций с их дырявыми юртами и вернулись всё-таки к тому месту, которое с самого начала присмотрел Вовка.

-Ну что?.. Не пожалеем землянку?.. Когда гидростанции строят, то иногда целые города затапливают, и то не жалуют...

-Только надо брёвна и доски вытащить, - предложил практичный Шурка, - для другой землянки пригодятся.

-Тогда тащите все из дома по лопате...

И полтора десятка пацанов, воодушевлённых предстоящей грандиозной стройкой, рассыпались по баракам, в том числе и Вовка.

После сбора с лопатами, ломami и кирками (каждый пацан знал, какой ему тащить инструмент во время работ в укрепрайоне), старшие ребята аккуратно сняли дёрн и земляную насыпь с кровли, извлекли брёвна и доски, перетащили всё вместе с пушками повыше и тут же разметили новую площадку под будущую землянку.

-Так, где будем прудить? – задумались Вовка с Алькой. – Надо там, где меньше расстояние между берегами и чтобы глубины потом в запруде всем хватило...

Место, которое бы отвечало сразу обоим условиям, определить было не так-то просто. Пацаны спорили, особенно Васёк, настаивал на своём предложении, но решили действовать не на глазок. Вовка много раз видел, как по улицам посёлка то и дело ходили строители с линейками выше человеческого роста и прибором на трёх ногах.

-Обойдёмся без прибора, а вот линейку такую можно расчертить из дранки подлиннее.

Когда Вовка с Алькой раз двадцать пробежали с линейкой вокруг будущей запруды, то все согласились с научным методом – место было определено.

-Пацаны, а насчёт трубы-то как?.. Без неё никак нельзя – смоем сразу всё. И трубу надо приготовить заранее, - поставил вопрос ребром Вовка – инженер, и тут же ответил сам себе, - Трубы валяются на участке, где мой папка трактор ремонтирует. Пошли к нему вместе...

Вовкин отец работал в вышкомонтажной конторе на большом тракторном кране. Вовка знал, что кран пока стоит на ремонте и отец сегодня на базе, которая расположена совсем недалеко от Овражной улицы...

Огромный трактор таскал за собой долго непонятную для Вовки конструкцию на больших колёсах из толстенных труб и тросов с большим тяжёлым крюком сзади. Сам отец почему-то называл всё это краном. Вовка знал, что краны есть у самоваров - один такой постоянно стоял на столе в кухне, из него он по утрам наливал воду для чая. Краны также были и у колонок, стоящих там и сям по улицам. Из этих кранов тоже текла вода, за которой часто ходил Вовка с коромыслом за плечами.

Вовка долго бродил вдоль и поперёк труб, когда однажды, после обеденного перерыва, отец взял с собой на работу его и Шурку Иванчина. Тогда трактор, как и сегодня, тоже был на ремонте. Но сколько ни ходил Вовка вокруг да около, ничего похожего на знакомые краны среди по всякому изогнутых труб он так и не нашёл.

-Этот кран служит для поднятия разных тяжёлых грузов. Он просто называется краном, но из него ничего не течёт, - как мог, попытался объяснить ребятам отец.

Но интереснее всего во сто раз был сам трактор. Особенно в кабине, где перед глазами мерцали всякие приборы, из полка торчали рычаги и педали, большие железные двери легко крутились на своих шарнирах и громко хлопали.

-Ну-ка, пацаны, вот вам маслёнка, давайте-ка полезное дело делать, хватит дверями хлопать!..

И отец показал ребятам, как смазывать из маслёнки с длинным изогнутым носом некоторые тракторные места.

-Теперь сами смажьте здесь, здесь и здесь... когда смажете, я вам другие места покажу. Да только много не лейте – это уже будет не на пользу... и на себя поменьше.

Вовка с Шуркой, довольные до самого верха, уцепились за маслѐнку и старались как никогда, то и дело вырывая её друг у друга. Потом ещё отец доверял ребятам чистить маленькие детали и протирать большие, подметать пол в кабине, а заодно мыть двери изнутри и снаружи.

Когда трактор туда-сюда проехал по базе, ремонт закончился и отец, как обещал, на другой день снова взял с собой ребят. Хорошо, усевшись на мягкие сиденья, наблюдать, как навстречу медленно движется тракторная дорога, а по сторонам близко и далѐко видны поля с овражками и ручейками, высокие горы с густыми лесами и большими полянами на вершинах.

Ехали долго, но вот за опушкой леса показались маленькие, разноцветные будочки, какие-то машины и ещё несколько тракторов, а между ними быстро и деловито двигаются фигурки.

-Ну-ка вылезайте, - скомандовал отец, когда подъехали совсем близко к будочкам. – Вам больше на тракторе нельзя пока быть, идите ягоды и грибы собирать.

Ребятам, конечно, очень хотелось остаться в громко шумящей кабине, чтобы самим принять участие в строительстве вышки, но отец сказал, что у него есть строгий начальник и что тот будет сильно ругаться, если в тракторе будут посторонние, да притом маленькие.

И пришлось-таки ребятам отойти к ближней опушке. Но ягоды они собирать не стали, а во все глаза уставились в сторону начинающейся большой стройки. Что такое вышка они давно уже знали. Ведь в самом конце улицы Овражной, ниже плахинских юрт, прямо на берегу речки стояла одна такая высоченная громадина.

-Давай, давай!... - кричали на площадке и трактора с машинами подтягивали в одно место огромные железные этажерки из труб, согнутых зигзагами.

-Вир-р-ра!.. Ма-ай-на-а-а!..

И отцовский кран задирал куда-то вверх эти этажерки и ещё какие-то гнутые-перегнутые тяжеленные железяки...

Подъехал маленький «газик», их в посѐлке все называли «бобиками». Из него выскочил здоровенный дядька (наверное, начальник) и тоже стал кричать и махать руками, но ему что-то сказали, и он быстро успокоился, встал почти рядом с ребятами и стал тоже, как и они, наблюдать за работой строителей.

А тут и обед...

-Твои что ли, Палыч? – спросил начальник отца, когда все сели в кружок на чистой полянке и разложили посуду и снедь.

-Один только мой – крайний... ты домой когда поедешь? – спросил теперь уже отец свойского начальника.

-С вами пока побуду... а если ребяташек отвезти надо, то Петро их сразу после обеда может отвезти...

Но Вовка с Шуркой ни за что не согласились уехать домой раньше времени и вернулись домой вместе со всеми на вахтовом автобусе...

... Вот что пронеслось у Вовки в памяти, когда он галопом впереди всех мчался до отцовского трактора:

«Папка тогда со своей бригадой за один день такую большую вышку построили, а мы разве запруду не сможем!..»

-Чего опять затеяли, чего придумали? – строго спросил отец из-под трактора, когда к нему подбежали Вовка с друзьями.

-Нам труба большая нужна...

-Опять труба... царь-пушку что ли задумали сделать?

-Для заправды... заправду свою хотим сделать.

-Что, в посёлок стало лень ходить?.. – сразу пристыдил отец.

Но он всё-таки вылез наверх и даже решил спуститься с ребятами к оврагу, где без лишних слов одобрил ребячью затею.

-Вот это правильно! Не то, что ваши землянки с пушками... хоть гусям и уткам с улицы будет, где поплавать...

-Ну да! Ещё чего... Они за неделю всю заправду засорят своими какашками – мы их гонять будем.

-Не засорят... ладно, дело не в этом. А как вы сюда трубу тащить будете – она ведь тяжёлая?..

-А нас вон сколько!.. Волоком притащим.

-Ну, пошли...

Отец быстро договорился с вышкомонтажным мастером, и они вместе выбрали подходящий кусок из огромного количества труб, валявшихся там и сям по территории базы.

-Потащили!..

Но волоком трубу тащить не пришлось. С базы было всё время под уклон и она катилась сама. Оставалось только придавать трубе правильное направление. Скоро труба уже отдыхала на строительной площадке.

Вперёд, на заправду!..

Ребята с лопатами распределились по обоим берегам самого узкого и глубокого места и по команде стали быстро срезать землю и раз за разом бросать её в ручей. Но очень скоро поняли, что делают большое, но бесполезное дело. Вода легко побеждала ребячьи потуги и уносила вниз по течению сбрасываемый грунт.

-Что же делать?.. Так можно оба берега в речку срыть, - замаялись ребята в борьбе с водной стихией.

-Я по телику видел, как прудили Ангару, - как всегда вовремя вспомнил Алька Арсланов. – Там сначала в воду кидали здоровенные камни из бетона, а потом уже землю и песок...

-Тогда и мы давайте таскать камни и даже железяки, если попадутся. Чем больше, тем лучше, а потом снова попробуем землю...

Узкое горло ручья стало быстро заполняться большими кусками плитняка, который выступал слоями на крутом овражном срезе, разными негодными железяками, часто усевшими окрестности всё той же вышкомонтажной базы и даже крупной галькой, собранной по берегам речки.

Вода легко просачивалась между камнями и железяками, но ребята уже уловили, что уровень воды в будущей запруде чуть поднялся. Самые маленькие лихо забегали с пологого бережка в воду, поднимая кучи брызг. Некоторым из них вода подобралась даже под самый пупок.

-Хорош с камнями, - решили строители. – Теперь надо трубу положить, а потом снова кидать землю...

Тяжеленная труба не хотела ложиться на подготовленное для неё удобное место. Труба клевала своими концами в разные стороны, но только не туда, куда было надо. Но и эта трудная задача была решена с честью. Трубу с обеих сторон надёжно подбили камнями, установив с помощью всё той же линейки расчётный уровень воды в будущей собственной запруде.

Теперь за лопаты!..

Снова замелькали с обоих берегов дружные лопаты, комья и земля в россыпь летели вниз, заполняя промежутки и щели в куче разнокалиберного камня.

-Давай, давай!.. - кричали все, обрушивая на плотину всё больше и больше грунта с берегов. – Куда же ты сыпешь?!.. Вперёд надо кидать, а не назад за плотину!..

Сила силу ломит. Всё меньше и меньше воды проходит сквозь камни, всё уменьшается её поток за плотиной, а

сверху заметно повышается уровень. Быстрая речная волна упиралась в новую плотину, недоуменно спотыкалась и, чуть постояв, уходила к обоим берегам вдоль плотины, пропуская вперёд к запруде свежие струи.

-Никому никаких передыхов!.. Сыпать, сыпать и сыпать... трамбовать, трамбовать и снова сыпать!..

Правый берег намного ниже обрывистого левого и стояла задача высоту плотины сделать вровень с правым берегом. Этой глубины, как пристрелялись Вовка с Алькой, должно хватить даже самому длинному Вовке Мицеку не меньше, чем по шею, а возле крутого берега, где проходит русло и того больше – по все меркам получалось почти два с половиной метра!..

До вечера ребята подсыпали запруду и утрамбовывали её кто чурбаком из соседней венедиктовской поленницы, кто как Васёк и Шурка приладили к большому и тяжёленному бревну захваты и вовсю колотили им по рыхлому грунту: Раз-два! Раз-два!.. Вовка с Алькой внимательно осматривали запруду, выискивая слабые места, и тут же шлёпали туда плотные куски глины.

Вот уже и дядьки потянулись с работы. Вовкин отец очень даже удивился, увидев мальчишеское сооружение.

-Ну, молодцы!.. Я думал, вы эту плотину месяц строить будете, а вы за день почти управились. Только вот здесь надо бы так сделать, а здесь вот так...

Отец взял лопату и стал со всех сторон поправлять запруду, подсказывая ребятам, где и как надо укрепить плотину. Все возились до темноты, и никто не ушёл раньше других.

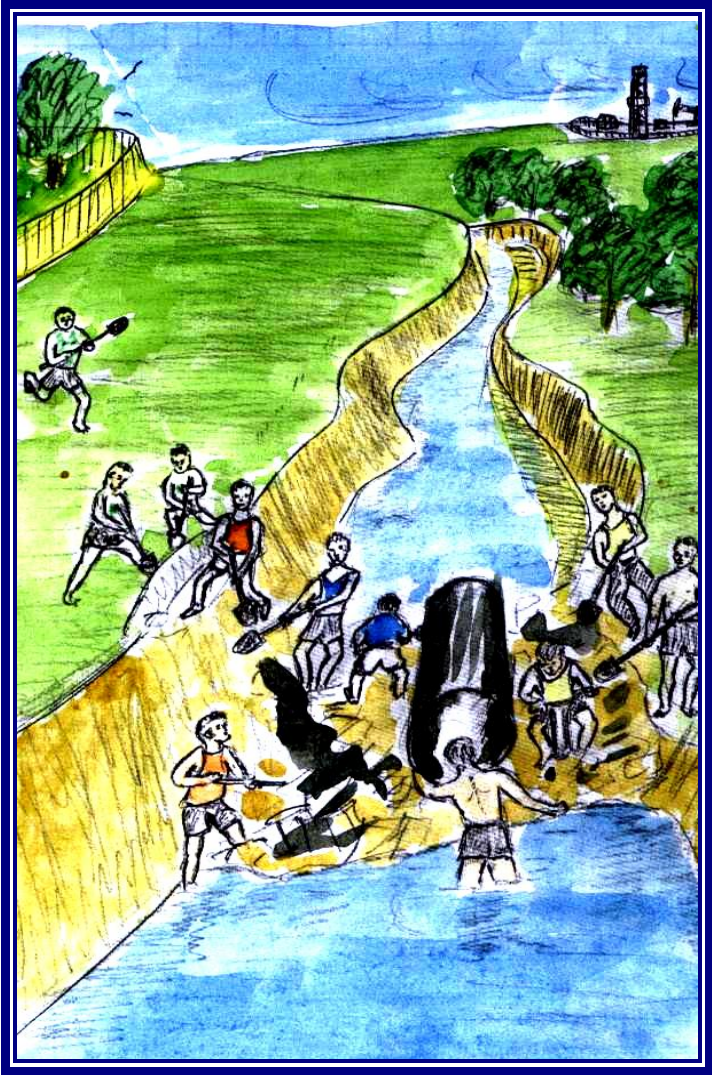
-Завтра утром все опять на запруду и на всякий случай с лопатами, - командиры и только тогда все разошлись.

Утром Вовка подхватился чуть свет. Вечером оставалось ещё около метра до заполнения пруда и теперь ему не терпелось посмотреть, как вода протекает через трубу. На берегу уже торчал Витёк Венедиктов.

-Полный пруд!.. Только под трубой вода немного протекает...

-Надо туда побольше глины, пока совсем не размыло!.. Видишь – где глина, там всё нормально.

Вовка с Витькой и подошедшие другие ребята быстро натолкали припасённую на такой случай с вечера глину в пробитую водой дорожку. Ещё раз проверили запруду и сверху, и спереди, и с нижней стороны - всё было в лучшем виде...

-А теперь быстрее купаться!.. Купаться в собственной запруде!..

Запруда простояла всё лето... иногда, правда, после сильных дождей её приходилось ремонтировать. А однажды Вовкин отец подъехал с бульдозеристом со своей работы. Вот когда получилась настоящая плотина, по ней теперь стали проезжать даже грузовики!..

Шурка Иванчин, имея собственную запруду, никак не мог обойтись без мореплавания. Он первым сообразил сделать себе персональный плот из обрезков горбыля и досок, которые ребята всегда умели находить на многочисленных поселковых стройках.

Следующий плот сделали Вовка с Васькой. У них он получился даже основательнее, чем у Шурки, но зато менее манёвренным. Не отстали и братья Венедиктовы... на плотях немедленно установили крупнокалиберные пулемёты, чтобы всякое гражданское население сразу поняло, что это не какие-нибудь паромы для переправы с берега на берег или баржи, а сторожевые катера.

А потом были скоростные гонки на сколько позволяла длина запруды, в которых чаще всего в лидеры выходил Шурка со своим самым стремительным катером. Нередко акватория запруды превращалась в арену абордажных боёв, часто сопровождавшихся переворачиванием катеров и всеобщим уже вынужденным купанием...

К зиме пруд благополучно закрылся толстым льдом, а лёд сам по себе прекрасная штука не только для коньков, но и просто для пуза или задницы на фанерке...

Пастух

Со временем посёлок разрастался и вширь и в высоту, в нём становилось всё больше многоэтажных домов и улиц с асфальтом. И однажды все узнали, что теперь Зеленогорск называется городом. Конечно, оттого, что рабочий посёлок стал называться городом, ничего вокруг не изменилось, и вряд ли кто-то от этого сразу почувствовал себя горожанином.

В барачных кварталах и во дворах финских домов всё также мычали коровы, блеяли козы, туда-сюда шныряло много другой живности, а по улицам, особенно в базарные дни, раскатывали телеги с лошадьми, оставляя кругом на асфальте свои крупные зелёные следы.

Но пасти коров где попало внутри города было уже нельзя и понадобился пастух, который бы каждое утро собирал коров с телятами, коз и баранту в одно стадо и пас его где-нибудь подальше от пос... то есть города...

Пастуха долго искать не пришлось. Он жил в одном из барачков прямо в Вовкином квартале. Звали его тоже Вовкой, но у него было ещё одно прозвание – Косой. У нового пастуха и в самом деле левый глаз сильно косил.

Был он намного старше Вовки и его друзей, а это значит года на три-четыре. Большая голова росла прямо из плеч, длинные, чисто белые волосы заброшены за уши, такие же белые брови и белые длинные ресницы. Ростом он был ненамного выше того же Васьки Живаленко, но был очень широк в груди, длиннорук и коротконог.

С ранней весны и до глубокой осени он ходил в любую погоду босой, штаны то ли из мешковины, то ли из брезентушки почти до колен открывали всегда исцарапанные, исхлестанные репейником голые ноги. Даже в самую жару на нём непременно висела навыпуск подпоясанная бечёвкой и выцветшая добела солдатская гимнастёрка.

Теперь по утрам и днём Вовка и его друзья не видели Косого, раньше уныло слоняющегося между бараками. В то время, когда они ещё крепко спали, пастух уже угонял стадо куда-то далеко за высокую дорожную насыпь в сторону панинского леса.

Зато по вечерам, к заходу солнца, было интересно смотреть, как пастух, громко крича и оглушительно стреляя своим кнутом, воспитывал то одну, то другую своевольную животину. Особенно норовистыми были всего-то несколько коз, которые никак не хотели спокойно пройти мимо только что высаженных вдоль асфальта молоденьких топольков. Им непременно надо было хотя бы разок грызнуть нежную тополиную кожу и при этом как можно выше по стволу. Но бдительный пастух доставал кнутом на любое расстояние, и деревки благодарно кивали веточками, приветствуя своего спасителя.

Когда стадо разбрелось по своим дворам и попадало под опеку ласковых хозяек, пастух сматывал свой кнут и, забросив его на плечо, шёл в свой барак. А потом он приходил на поляну, где Вовкина команда иногда даже по вечерам занималась военными учениями или строевой подготовкой.

После подписания мирного договора с плахинцами воинские занятия продолжались, а землянки и пушки, как и

было оговорено в договоре, оставались на своих местах для устрашения других возможных противников.

В один из таких вечеров, когда ребята заседали возле своих костров и вели неторопливые и бесконечные беседы о житье-бытье, к ним подошёл Косой. На плече у него, как всегда, висел кнут. С ним он никогда не расставался, разве что спал, наверное, без него.

-Володь, - глухо заговорил он, - прими меня в свою команду... А я научу вас кнутом стрелять и как плести его...

-Чего стрелять?.. Кого плести? – от неожиданности подскочил Вовка.

-Я с вами хочу в городки и клёк играть, а вас научу кнуты и плётки плести, - повторил Косой.

-А чего?.. Он хороший... давай примем!.. - вразнойой загалдели ребята, расчищая место возле уютного костра.

-Я против разве... только он больно большой... куда мы его в строй поставим?..

-Да я без строю... мне бы только с вами...

-Ладно... садись, - подвинулись и Вовка с Шуркой. – Завтра будем в городки играть, а то сейчас уже темно.

Вовка и сам уважал Косого за его раннюю, почти взрослую жизнь, за его беспросветную бедность. Жил он с престарелой, больной бабушкой и маленькой, такой же странной, как и он сам сестрёнкой.

Но уж очень он был непохож на других ребят, и явно не вписывался в их круг хотя бы даже своими крупными, непропорциональными размерами.

-Приходи, когда захочешь... возле костра всем места хватит...

Вечером другого дня Вовка-пастух, которого все разом даже между собой перестали называть «косым», притащил из леса большую вязанку ровненьких берёзовых палок. Из них он сам сноровисто напиллил чурбачков для городошных фигур и два десятка бит. Старые городошные атрибуты и в самом деле были уже никуда не годными и Вовка, а вместе с ним и остальные ребята, кто как мог, старались выказать ему своё расположение.

С тех пор редкий вечер Вовка-пастух не проводил на поляне, порой вчистую расколачивая серпы, ракеты, пулемёты и другие городошные фигуры. Почти всегда с ним была и его молчаливая сестрёнка давно уже школьного возраста. Но в школу она почему-то не ходила, и поэтому соседские девчонки с ней не водились. Да и сама она, как видно, всему

предпочитала общество только своего брата. В хорошую погоду и стадо они пасли обязательно вдвоём.

Как и обещал Вовка-большой (так его стали теперь называть в отличие от Вовки Панина), скоро все ребята научились плести кнуты и плётки. В ход шла любая верёвка, шпагаты, дратва. Теперь на поляне целыми днями раздавалась пальба из кнутов разных калибров и систем.

-Володь, а ты почему в школу не ходишь?.. И сестрёнка твоя тоже?.. – спросил однажды Вовка пастушка, который набрал где-то старых кирзовых сапог и, разрезая их на тонкие ремешки, плёл очередной сверхмощный кнут.

Вовка-большой долго молчал. Казалось, что он и вовсе не ответит на этот вопрос, но, наконец, он тихо произнёс:

-В нашей деревне школы не было, а за восемь километров ходить мне было не в чем, особенно зимой, вот я и остался без школы...

-А где твои родители?.. Где отец, где мать?..

-Бабушка говорит, что отец с войны не вернулся, а мамка умерла, когда я ещё совсем маленьким был...

-А сестрёнка?..

-Это не моя сестрёнка... это дядькина дочка, который нас сюда привёз, а сам уехал куда-то и ни слуху, ни духу. А в школу она не ходит из-за того, что глухая – совсем ничего не слышит и почти не разговаривает...

Только теперь до Вовки дошло, что он ни разу не слышал и не видел, чтобы девчонка с кем-нибудь разговаривала. Он вспомнил, что брат обращается к ней обычно какими-то жестами.

-И бабушка всё время болеет... почти не встаёт с кровати. Умрёт, наверное, скоро, - удивительно спокойно продолжал Вовка-большой. – Что будем делать – не знаю...

Потрясённый Вовка долго молчал.

-А как же вы живёте?.. - наконец, снова спросил он.

-Бабушке пенсию дают и нам пособие, да за коров и коз с баранами мне платят... соседи кто чем помогают...

Дома в этот вечер Вовке кусок не шёл в горло. Он представлял себе убогую, тёмную комнатёнку, больную старушку в кровати, пустой стол с чёрствой горбушкой посередине.... Возле окна Вовку-большого и его молчаливую неродную сестрёнку...

Он долго ворочался в кровати, переживая на все лады о беспросветной пастушьей жизни, о коровах, с которыми тот проводит большую часть своей маленькой жизни и о том, что

вот он по вечерам всегда читает интересные книжки, а Вовка-большой и этого не может...

И тут его вдруг осенило:

«А что, если его научить читать и писать!.. Ведь потом он сможет не только читать книжки, но и пойти в вечернюю школу...»

Вовка еле дождался следующего вечера.

-Володь, а ты хоть буквы какие-нибудь знаешь? – спросил он Вовку-большого, когда тот, наконец, появился на поляне.

-Буквы знаю... и читать немного могу, а вот писать не получается...

-Давай вместе попробуем... прямо на земле.

С этого вечера надолго были отложены в сторону городошные биты, кнуты и прочие несерьёзные игрушки. Сначала занимались только по вечерам на поляне, а потом придумали сопровождать ученика по его пастушьим делам вместе с коровами.

От учителей не было отбоя. Вовка, Шурка, Алька и даже Васёк с Витькой, которые сами в школе тянулись с двойки на тройку, были наповал увлечены новым благородным делом.

За стадом присматривали тоже по очереди, а помогал им венедиктовский Барсик, ставший к этому времени почти взрослой овчаркой. Сестрёнка Вовки-большого почти всё время крутилась рядом. Было видно, что она слабо понимает происходящее, но и на её лице всё чаще и чаще стала появляться улыбка. А больше всего она подружилась с Барсиком, с которым они, несмотря на недовольство Венедиктова – старшего (баловство для будущей служебной собаки), взапуски бегали за отбившейся коровой или с визгом кувыркали в густой, прохладной траве.

Уморив ученика, ребята оставляли его отдохнуть возле коров, а сами забегали в ближний лес, где собирали все грибы и ягоды подряд. Среди грибов различали только поганки и мухоморы - их пинками уничтожали. Остальное шло на пользу... из ягод самыми страшными считались волчьи. С чьих-то слов эти ягоды не только есть, но и тронуть боялись – могли вырасти большие волчьи уши и здоровенные клыки.

Возвратившись к стаду, разводили костерок и на прихватченной из дома сковородке жарили вперемешку все грибы, бросив туда же большой кусок маргарина и немножко соли. Когда не было сковородки, то грибы насаживали на ве-

точку потолще, чтобы не прогорела, и таким образом получался грибной шашлык. А после жареных грибов пить хочется, как после селедки, но на этот случай вот тебе, пожалуйста, и родник с такой водой, что и никакого компота не надо.

С Вовкой занимались до самого сентября. За это время способный ученик научился вполне бегло читать не только «Букварь», но и рассказы из «Родной речи», писал простенькие диктанты, умел складывать и отнимать, умножать и делить. Почти без запинки выучил таблицу умножения.

Каким-то образом про это узнали в школе, и однажды Вовкина учительница Валентина Фёдоровна попросила привести пастушка в школу. Вовка-большой долго отказывался, стесняясь своего вида, но всё-таки уступил напору целой кучи Вовкиных друзей. Валентина Фёдоровна долго разговаривала с ним наедине, а потом позвала в класс ребят и со слезами на глазах объявила, что знания пастушка Володи соответствуют объёму знаний за полные три класса...

А вскоре учительница добилась, чтобы Вовке-большому и его сестрёнке выдали весь набор летней и зимней одежды. Бывший пастушок стал учиться в вечерней школе.

Но пришло время и умерла бабушка. Хоронили её соседи. А потом приехал тот самый дядька – сын бабушки, и куда-то увёз Вовку-большого и девочку. С тех пор в бывшем посёлке, а теперь городе, их никто не видел...

Рыжик Палач и жертва

Кто сказал, что архитектура – это только дворцы, храмы и соборы?.. Обыкновенные бараки тоже строили не с бухты-барахты. Знающие в этом деле толк люди выбирали участок земли прямоугольной формы и строго по линейке размечали бараки лицом к лицу, а во двор задом.

Бараки были двух типов: большие и маленькие и возводили их с учётом местности и потребности. Во всех дворах располагались социальные комплексы, иначе говоря сараи, строго пронумерованные в соответствии с номерами барачных комнат, занимаемых хозяевами.

Чаще всего сараи использовались, как курятники или свинарники, а чаще как то и другое вместе взятое. Рядом с сараями или несколько поодаль, стояли туалеты-уборные и выгребные ямы для всякого рода отходов человеческой деятельности, и чтобы мусор не валялся, где попало.

В то же время во дворах было много чистых уголков, покрытых густым подорожником, вьюнком, лепёшником, молодой полынью. На этих полянках хозяйничала голопузая малышня со своими разномастными игрушками, здесь же барахтались в травке и щенята, и котята, иногда даже поросята. Жёлтыми комочками зелёную травку простреливали юркие цыплята, удравшие от своей хохлатки, которая тревожно квохтала где-то неподалёку.

В один из таких безмятежных дней у бабки Фёклы из соседнего барака пропал как раз вот такой юркий цыплёнок. Их у неё было великое множество, а бабка была неграмотной, как и большинство старых людей, а вот как она недосчиталась цыплёнка – её секрет.

Расследовать дело о пропаже взялся внук бабки Фёклы Мотька Брыкин – длинный, мосластый подросток. Он был на пару-тройку лет старше Вовки и его друзей, поэтому держался особняком и снисходительно посматривал на командные

баталии пацанов. А пацанам он тоже был совсем не нужен, и его не замечали.

Следствие Брыкин провёл быстро. Уже через полчаса после заявления бабки о пропаже, у него в руках оказался дворовый кот Рыжик. Кот был ничейный и поэтому общий. Летом он жил на сарайных крышах и просто во дворе, а зимой хозяйничал на тёплом, засыпанном опилками, чердаке барака. И только потому, что в каждой семье и без того было по кошке, а то и по две, Рыжик постоянных хозяев не имел, а, похоже, и не хотел иметь, предпочитая свежий воздух чердака душной комнате...

...Собственный скорый приговор тоже не вызывал у Мотьки никаких сомнений и он, тут же смастерив из обрывка какого-то шнура петлю, подвесил Рыжика на перекладину турника. Такие турники были построены возле каждого барака самими ребятами и взрослыми.

Рыжик жалобно мяукал и просил неизвестно за что пощады, но Мотька, залитый необъяснимой злобой и жестокостью, схватил с ближней дровяной кладки дрын, и ударил его по голове. Рыжик закричал голосом, полным детского ужаса и боли, но удары последовали один за другим...

Рядом стояли несколько баб и бабок, равнодушно смотря на экзекуцию...

Вовка вышел на высокое крыльцо барака, только что перехватив ломоть хлеба с кружкой молока. Он сразу же увидел Брыкина с дрынком и Рыжика, висящего на перекладине, а рядом равнодушных зрителей. У Вовки в руках было стальное колесо с гонялкой из толстой проволоки, что представляло собой чудо ребячьей техники. Колесо было гладкое снаружи и с зубьями по внутренней окружности. Оно вставлялось в крючок, который и назывался гонялкой, и катилось с громким визгом впереди. Игрушка эта сопровождала пацана почти постоянно: на базар, в магазин по команде матери, на пруд и даже в школу...

Вовка любил природу, любил всех зверюшек и птичек в ней, а вот любит ли он людей – он об этом пока не задумывался. Но ему всегда казалось (а с возрастом это перешло в уверенность), что все звери, даже самые хищные, лучше и добрее некоторых людей.

...На лету с воплем «Сто – о – о - ой!..» Вовка с размаху вlepил гонялку в клетчатую рубашку, на которой сразу же выступило тёмное пятно. От удара Мотька промахнулся, дрын ударился о землю, но в следующее мгновение дрын уже

был повёрнут против Вовки, который успел перескочить на другую сторону стойки турника и дрын, хрястнув по стойке, разлетелся пополам.

Но и с остатком полена в руках наступавший Мотька был силён и страшен. Прижавшись к стене барака, Вовка махал перед собой короткой гонялкой, но всё же силы были слишком неравны – Вовка понимал, что ему крышка.

Но в пылу атаки Брыкин вдруг почувствовал что-то мокрое у себя на животе и, мазанув по рубашке рукой, увидел на ладони кровь. Страшный дрын тут же выпал из рук, Мотька в ужасе застыл, разглядывая мазки крови... И вдруг со всех ног бросился, заливаясь криком, слюной и соплями к своему бараку...

Соседские тётки стали обсуждать, кончившийся так неожиданно, поединок, а Вовка залез на турник и опустил Рыжика на землю. Взяв Рыжика на руки, Вовка понял, что тот мёртв...

Глотая слёзы, почти не видя тропы из-за переполненных глаз, Вовка дошёл до берега оврага, где совсем недавно ребята построили запруду и только вчера новую большую землянку, которая стала единогласно главной в укреплённом районе. Но ничего уже не могло помочь Рыжику, павшему неизвестно за что от руки злого переростка.

Положив Рыжика возле главной землянки, Вовка вытащил из неё через подземный ход маленькую лопатку и начал копать могилку на высоком бугре овражистого берега, где было место частых сборов друзей из Вовкиной команды. Вскоре подошёл Васёк Живаленко, который уже прослышал про казнь и яростный бой и молча начал помогать. За ним пришли Шурка, братья Венедиктовы, ещё некоторые ребята.

Похоронив Рыжика, и отдав ему последние почести, ребята стали обсуждать случившееся, и строить планы на дальнейшую дворовую жизнь.

-Теперь он тебя ловить будет, - глядя на свежую могилку, сказал Васёк.

-Пусть попробует... нам надо Вовку всем охранять, ходить только вместе – тогда не сунется! – с гневом и дрожью в голосе заявил Шурка.

-После этого сам не высунется! – храбрился Вовка. – Надолго запомнит Рыжика...

-Его наоборот нам надо выловить и как следует отомстить за Рыжика, а то он и собачат часто обижает и чужих

петухов гоняет между сараями, - сжал кулаки Венедиктов-старший. - Кота не пожалел, гад!..

Однако, порешили события не опережать. Долго ещё ребята сидели вокруг костра возле скорбного места и разошлись только самым поздним вечером.

Дома Вовку ждал разнос матери. Она, конечно же, прослышала про драку возле турника, да и не только она, но и весь барак.

Когда Брыкин с рёвом забежал домой и тут же рассказал бабке Фёкле про Вовку с гонялкой, та, оглашая громкими криками двор, а потом и коридор соседнего барака, схватилась крепкой бранью с Вовкиной матерью. Пообещав «пососедски» каждая своей сопернице, а заодно и их семьям, небесных и земных кар, они разошлись, а мать стала ждать Вовку. Но когда Вовка рассказал, как было дело, рука и лицо матери смягчились, а отец и вовсе бросил:

-Поделом ему, обалдую...

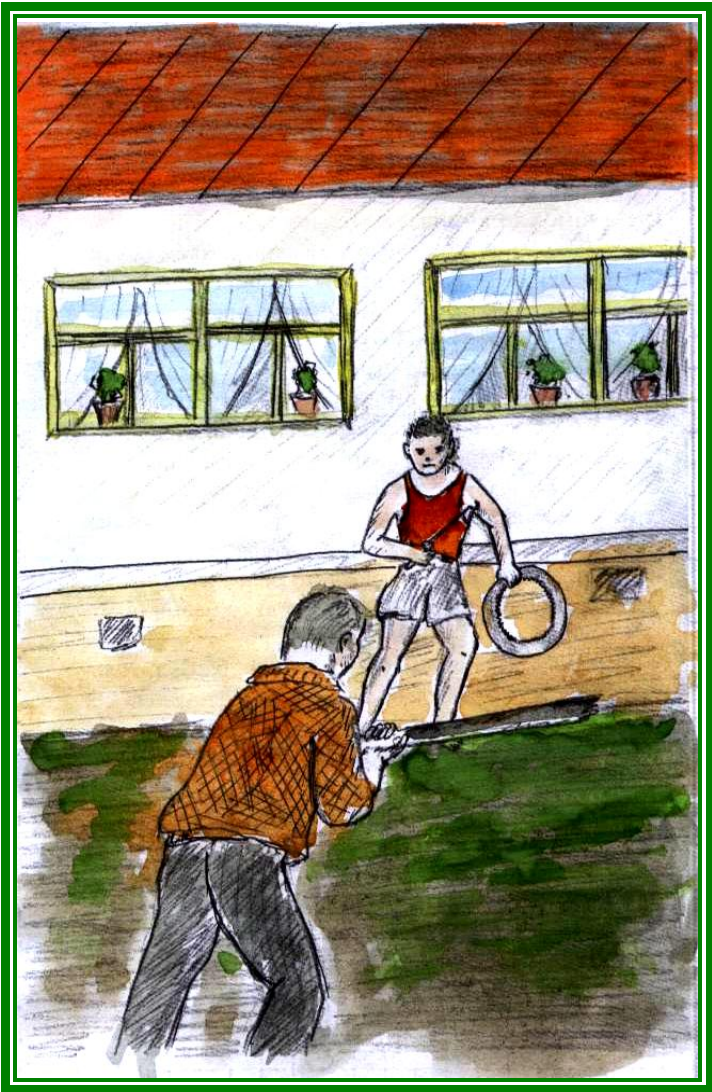
Возмездие

С неделю после этого, пока Мотька Брыкин зализывал рану, Вовка жил, как всегда поглощённый своими делами в укрепрайоне, заботами по организации набегов своей команды в окрестные леса, весёлых купаний в своей запруде, планами о дальних походах на рыбалку и другими грандиозными делами...

Но вот однажды Вовка пошёл за дровами, которые были сложены в большую поленницу возле приземистого и широкого сарая, построенного отцом и старшим братом Генкой, с помощью Вовки. А сделать его пришлось потому, что в стандартном сарае никак не хотела разместиться корова Рыжуха, да и дощечки этого сарая были жидковаты, и тепло совсем не держали.

Но во дворе светило яркое летнее солнце и речь о тепле пока не стояла, а дрова матери были нужны для кухонных забот. Как обычно, Вовка набросал на себя выше головы, чтобы не бегать за ними слишком часто. Дровяная охалка плотно закрыла весь обзор, да так, что Вовка ориентировался на тропу только по знакомым сарайным крышам и крыше своего барака.

Шёл он мелкими шажками, боясь споткнуться, но упасть ему всё-таки пришлось. Когда Вовка быстро поднялся,

то сразу увидел Мотьку, который скалился, довольный удачно поставленной подножкой. Вовка сразу схватил полено из тех, что нёс сам и отчаянно закрутил им впереди себя, как пропеллером.

-Не подходи!.. Сейчас по башке огрею – ещё месяц будешь валяться рядом со своей бабкой!..

Конечно, вряд ли полено помогло бы Вовке в этом сражении, тем более, что Мотька тоже ухватил такое же оружие, и неумолимо надвигался на Вовку, который медленно, но всё же отступал к стене соседнего барака.

И неизвестно, то ли Вовка в рубашке родился, то ли сама судьба было против Брыкина, и наказывала его. Отмахиваясь обеими руками тяжёлым поленом, Вовка совсем не заметил, когда и откуда позади Мотьки вдруг возникли Васёк, Шурка и братья Венедиктовы.

-Эй ты!.. Живодёр кошачий!.. А ну отстань от Володьки, а то худо будет! – крикнул Васёк, выступая вперёд. – Мы тебя сейчас на турник подвесим!..

Брыкин от неожиданности, как и в первый раз, в день казни, тут же рзинул и без того, постоянно открытый рот, и выронил полено.

-Да что с ним разговаривать!..

Витька первым бросился под ноги ошарашенного Мотьки, тем самым лишив его устойчивости, а Васёк изо всех сил толкнул возвышавшегося столбом неприятеля на землю.

Поверженный Брыкин тщетно пытался подняться. Но схватившие его, словно маленькие лайки таёжного шатуна, ребята, держали крепко.

-Пацаны, только сильно не бейте... и так теперь умным станет! – вдруг опомнился Вовка, который всё ещё держал полено в руках.

Пацаны и без того не били, а просто возили Мотьку по мокрой после вчерашнего дождя земле. В довершение всего Васёк сунул Брыкину прямо в рот кусок засохшего куриного помёта, а потом ещё Мотьку окатили ведром тухлой воды из бочки, которые стояли возле каждого крыльца для мытья обуви в грязную погоду.

Когда истрёпанного Мотьку всё же отпустили, он медленно поднялся, оглядел себя и понуро отошёл к своему бараку. Уже оттуда он на весь двор обрушил поток угроз на головы своих обидчиков, молча стоявших на месте схватки. Победители тоже были измазюканы не меньше Мотьки, но им всё же не пришлось попробовать помёта и тухлой воды.

Ребята не стали пререкаться с наказанным и спустились к оврагу, где помылись родниковой водой и слегка сполоснули свою нехитрую одежду.

-Как это вы нашли меня с Брыкиным? – спросил дружкой Вовка, подошедший после того, как донёс дрова домой.

Васёк и Витька хитро переглянулись.

-А мы узнали, что он перестал болеть и вышел на улицу, ну и все вместе проследили, - с видом тайного сыщика проговорил Витёк.

-В первый же день попался... видать, сильно хотел отомстить, вот и нарвался, - добавил Васёк выкручивая рубашку. – Ещё раз попало за Рыжика...

Это потрясение надолго выбило Мотьку из колеи привычной жизни. Он долго не появлялся во дворе совсем, а появившись, не шастал, как прежде, считая себя безраздельным хозяином, а скромно сидел на своём крыльце или забирался греть пузо на крышу какого-нибудь сарая. Завидев Вовкиных дружкой вместе, быстро исчезал, и поодиночке никого ловить больше не пытался.

Не сразу, но и самая что ни на есть малышня сопливая перестала бояться Мотьку, а щенята и петухи, и прочая дворовая живность равнодушно поглядывали на него, готовые, однако, в любое время задать стрекача. К Мотьке намертво приклеилась хмурая кличка «Бирюк» и даже «Говноед», в чём особенно усердствовала всё та же малышня. Она хором кричала из всех углов вслед, а мрачный Бирюк не делал даже попытки отмахнуться от надоедливых дошколят.

Вовка и другие ребята каким-то шестым чувством подозревали, что это неправильно, что так всё время продолжаться не может. Как-то Вовка долго глядел на Мотьку, уныло сгорбившегося на крыльце своего барака рядом с соседскими тётками, без умолку болтающих о своих вечных проблемах.

-Слышь, подошёл бы ты к Мотьке... позови его на пляну с нами в клёк играть, - толкнул, наконец, он в бок сидящего рядом Витьку. – Ведь скоро совсем чокнется возле своей бабки...

-Да ну... Он, наверное, с тех пор на меня больше всех злой, - уклонился Витёк.

Васёк тоже отвернулся куда-то в сторону. Вовка понял, что это не потому, что он боится подойти к Брыкину, а потому, что он не хочет никакого мира с Брыкином, убившим безобидного дворового кота.

-Я пойду, - решительно спрыгнул с высокого крыльца Шурка.

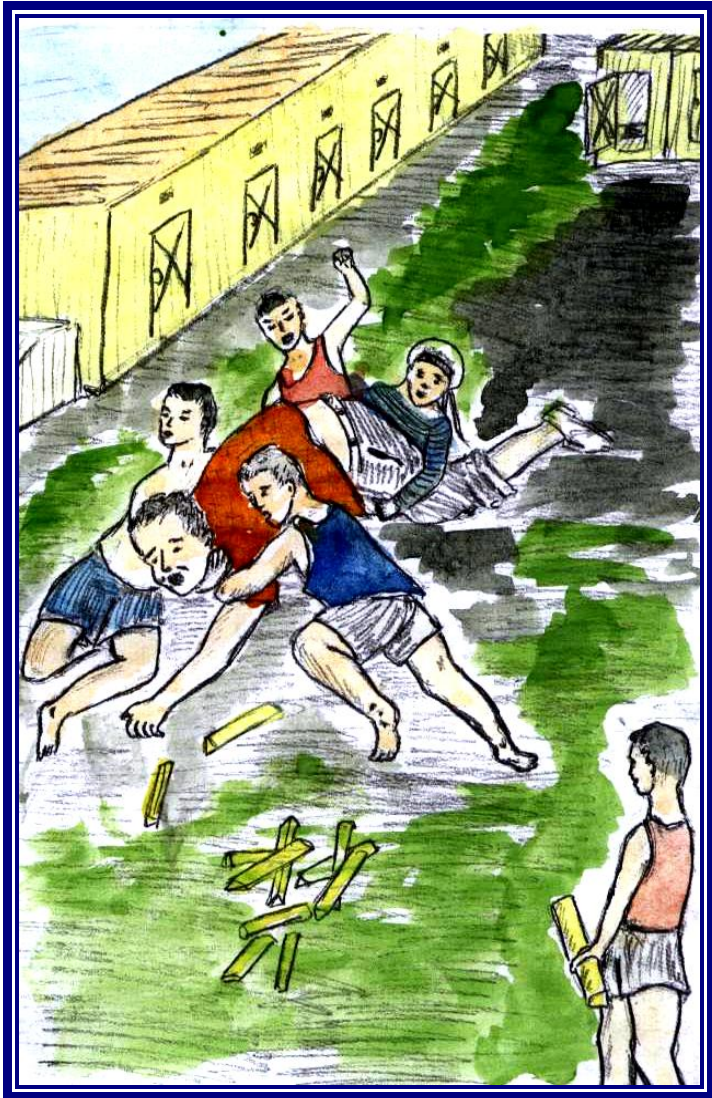
Сначала было видно, что Мотья не доверяет Шурке, но он всё же поглядывал на крыльцо большого барака, на котором сидели Вовка с остальными пацанами...

Но вот он сполз со своих ступенек... Вовка и Васёк с Витькой дружески помахали ему руками. Шурка и Мотья пошли в сторону поляны...

Мир во дворе был восстановлен, но смерть Рыжика всё-таки продолжала оставаться между Мотькой и ребятами. Даже на поляне с городками и клёком кто-нибудь нет-нет, да и замахивался на Мотьку городошной битой со словами «Живодёр проклятый...»

И сам Вовка, хоть и первым надумавший помириться с Брыкиным, при его виде сразу же вспоминал тот чёрный день с турником, висящего на нём Рыжика и Мотьку с дрыном. Мотья, видно, это чувствовал, и сам не очень-то стремился, как и раньше, на пустырь с ребячьими забавами. Теперь он просто не боялся Вовкиных друзей и не прятался от них в своём бараке.

Но как-то незаметно Мотья и бабка Фёкла навсегда съехали из барака. Не видел их никто больше и в посёлке. Говорили, что за ними приехали какие-то родственники из деревни...

Странствия Музей

Вовка как мог, читал почти всё, что приносил и читал его старший брат Генка. Букваря у него никогда не было за ненадобностью – ведь к первому классу он уже не только знал все буквы, но и запросто читал, и не по складам. А в четвёртом классе Вовка уже всюду зачитывался мушкетёрами и двумя капитанами.

А вот стихи Вовка читать не любил. Даже те, которые написал Пушкин. Скорее всего, это получилось только потому, что стихи заставляли учить наизусть в школе.

Как-то Генка притащил из школьной библиотеки особую толстую книжку. Она была такая толстая, что начинать её читать Вовка никак не мог решиться. На обложке книги была изображена сверхкурносая улыбающаяся рожа в солдатской фуражке не по-нашему.

«Ярослав Гашек – «Приключения храброго солдата Швейка», - прочитал Вовка длинное название, а под обложкой он нашёл портрет писателя в форме красного командира и его биографию. Биографии Вовка обычно читать не любил, а тут увлёкся и не зря!.. Он узнал, что Ярослав Гашек – чешский писатель воевал во время гражданской войны на стороне Красной армии и даже был военным комендантом города Бугульмы...

«Елки-палки!.. Да это же в нашей Бугульме, которая совсем рядом!... - чуть не свело дыхание у Вовки. - Значит, Бугульма была ещё во время революции!.. Туда же автобусы ходят – вот бы съездить!..»

С этого дня все его помыслы были в Бугульме. Он по догу расспрашивал отца, который рассказал, что в Бугульме есть железнодорожный вокзал, где ездят настоящие паровозы с вагонами, что там есть большие многоэтажные дома, в которых живёт сразу много народу.

Однажды Вовка спросил о Бугульме Валентину Фёдоровну, которой очень понравился вопрос, и она весь урок рассказывала об этом городе. Оказывается, Бугульме и вовсе больше двухсот лет, и что в ней есть краеведческий музей, в котором можно посмотреть самые настоящие пушки, ружья, пулемёты и всякое другое самое настоящее оружие...

«Да... это тебе не то что Зеленогорск, который до сих пор не поймешь – то ли город, то ли посёлок... - огорошился Вовка за свою родную сторонку. - А десять лет назад тут и вовсе ничего не было... тем более краеведческого музея...»

А потом учительница сказала, что в конце учебного года она обязательно организует экскурсию в этот старый город. Но до конца учебного года было ещё почти два месяца, а Вовка столько ждать не мог, тем более что его сильно в этом поддерживали Васёк и Шурка, которым он рассказал про Юрслана Гашека.

Первым делом Вовка узнал на автостанции, что билет до Бугульмы стоит пятьдесят копеек, значит туда-сюда – рубль, да за музей надо будет платить, покушать чего-нибудь тоже придётся... Вот и выходит, что на каждого надо не меньше, как по три рубля!.. По воскресеньям родители давали пацанам по двадцать копеек на кино, но собирать киношные деньги тоже пришлось бы целых четыре месяца – эдак, тогда и с классом можно будет съездить...

Вспомнил он и про старьёвщика, который на своей повозке, запряжённой непременно худой и бедной клячей, принимал тряпки, кости, старую обувь, а взамен давал малышне разноцветные шарики, конфеты-подушечки, леденцовых петушков и зайчиков на палочках и много другой разной детской мелочи.

«Может деньгами даст, а тряпок и костей со старыми башмаками много можно набрать, если захотеть...»

Но одноногий, как и все старьёвщики, старик сказал, что ему в конторе денег на это дело не дают, а только игрушки и конфеты с печеньями. Так что такая, казалось, хорошая возможность отпала сразу. Ничего не оставалось делать, как идти и просить у отца-матери.

-Мам, Шурка с Васькой в Бугульму в музей хотят ехать... Им по три рубля дали... Я тоже хочу поехать, - собрался было затеять длинную тяжбу Вовка, но мать совсем не стала сопротивляться: раз Шурка с Васькой едут, то как же Вовка от них отстанет?..

Мать, конечно, не знала, что точно такие же сценки были разыграны в доме у Шурки и у Васьки, и каждый из них точно также сослался на своих друзей. Замышляя этот трюк, ребята немного боялись, что матери вдруг, прежде чем дать деньги, распознают между собой, но всё обошлось в лучшем виде. Ведь все матери больше всего на свете хотят, чтобы их дети были если не лучше, то уж никак не хуже других...

Вот и наступило долгожданное воскресенье. Ребята в первый раз ехали в междугороднем автобусе, кондукторша которого сначала даже не хотела пускать их одних из-за малозначительного возраста, но они доходчиво объяснили, по какому важному делу едут приодетые и прибранные по праздничному и всё уладилось.

Пацаны втроём уместились на одном сиденье и дружно пялились в окно. А за окном радостная новая весна быстро и весело набирала свои силы. Поля кругом давно освободились от снежного покрывала, лохмотья которого ещё оставались в тени оврагов и буераков, куда никак не могли дотянуться лучи веселящегося над пригорками солнца. Вот и речка Зай, с которой уже полностью сошёл лёд. Значит, скоро снова будут рыбалки, снова будет уха и летнее приволье.

Дальше Зая в эту сторону ребята ещё никогда не бывали, но ничего нового для себя, кроме большой деревни вдоль дороги, они не открыли. До самой Бугульмы тянулись всё те же поля и перелески, а с другой стороны дороги высились точно такие же холмы, под которыми они жили в своём Зеленогорске...

Бугульма началась, как ни странно, такими же бараками, каких было полно и у них, от чего ребята немного приуныли, но по мере движения автобуса, стали попадаться и большие дома, о которых говорил Вовкин отец.

-Доехали до центра, а музей где-то здесь... вам надо выйти и там кого-нибудь спросить, - напутствовала ребят на первый взгляд суровая кондукторша. - Через три часа отсюда мой рейс будет, так что не опаздывайте...

Когда друзья спрыгнули с автобуса, им сразу бросились в глаза полностью чистые от снега и сухие дороги с тротуарами. Ведь в Зеленогорске снега на улицах, особенно на газонах ещё немало.

-Тут, наверное, намного южнее, чем у нас, - поделился соображениями Шурка.

-По-твоему, мы не в Бугульму приехали, а в Африку, - как всегда стал подначивать Васёк.

-Здесь убирают снег бульдозерами, поэтому его и нет, - резко вмешался Вовка в начавшийся спор. – Куда сначала пойдём?..

Но пока они бесцельно и не спеша шли, куда глаза глядят. Ребята не стали сразу спрашивать прохожих о музее – тут и без музея пока было интересно и необычно.

Вдоль улицы сплошь тянулись двух – и трёхэтажные дома из тёмно-красного кирпича. Многие дома были украшены зелёными металлическими ставнями с завитушками, и все дома были не похожи один на другой.

-Не то, что наши бараки, - опять вспомнил Вовка свой Зеленогорск.

-Зато эти дома совсем старые и скоро развалятся, - с чего-то взял Васёк, - а у нас бараки ещё почти новые...

Газоны вдоль тротуара, по которому шли ребята, тоже огорожены массивными узорчатыми решётками из чугуна. Народу на центральной улице было намного больше, чем на всех зеленогорских улицах вместе взятых, по крайней мере, им так показалось.

Очень скоро их внимание привлекла большая, разноцветная карусель с балдахином, которая пока не работала, но

возле неё, несмотря на выходной, что-то делали двое дядек с молотками и топорами в руках.

Карусели в Зеленогорске не было и ребята долго простояли возле красивых коняшек, скачущих во весь опор, слонов с задранными к небу хоботами, а там дальше скалили клыки и зубы гривастые львы и полосатые тигры...

-Дядь... а можно мы только немного посидим на лошадаках? – не помня себя, вдруг выпалил Вовка.

-Отчего же, посидите... нам не жалко...

Восторгу не было предела... Ребята тпрукали и нукали, погоняя стоящих на месте лошадок, пересаживались на рычащих львов и тигров, гонялись в охотничьем азарте друг за другом.

-Вы что, карусели никогда не видели?.. – глянул на них один из ремонтников.

-У нас в Зеленогорске нет карусели, - притихли ребята, слезая с коняшек.

-Семёныч, давай крутанём ребяташек... заодно ещё раз проверим... Они, оказывается, нездешние - карусели никогда не видели...

Здесь-то и узнали впервые ребята, что такое седьмое небо... кони, перебирая ногами, устремились вперёд, всё больше и больше набирая ход. Всё вокруг мчалось навстречу, быстрее и быстрее мелькая в глазах. Чуть прохладный ветерок развевал пальтишки, а у Шурки и вовсе слетела с головы фуражка, что ещё больше развеселило и без того ликующих ребят...

Но вот карусель замедлила ход, ещё немного и приуставшие кони остановились, а перед глазами всёплыли и плыли дома, газоны... даже асфальт уплывал из-под ног – того и гляди шмякнешься...

-Очухались, - смеялись добрые дядьки, - или ещё хотите... так нам не жалко.

-Нет спасибо... а сколько стоит карусель?.. У нас денеги есть.

-Ладно, богатеи... идите лучше мороженое поешьте.

Ребята ещё раз поблагодарили ставших чуть ли не родными карусельщиков и последовали их доброму совету. В Зеленогорске мороженое бывало только по великим праздникам, да и то в разгар лета и в большущую очередь, а здесь на углу запросто стояла тётенька в белом, и возле неё почти никого не было.

-Тётъ, - наяривая мороженое, продолжал проявлять инициативу Вовка, - а где тут музей?..

-Какой музей?..

-Нам говорили, что в Бугульме музей есть... краеведческий...

-Краеведческий?.. – задумалась мороженщица. – Нет, не слыхала про такой...

Вот тебе и на!.. А Вовка был уверен, что музей стоит в самом центре и, если уж не похож на Московский Кремль, то всё равно что-то около этого, и все в Бугульме про него обязательно знают...

Подошедшая за мороженым девчонка, примерно одного возраста с пацанами, не могла не вмешаться:

-Да вон он стоит... зелёный домик с красной крышей. Только он у нас часто не работает – на ремонте почему-то всё время... а разве вы не из нашего города?..

-Мы из Зеленогорска, - ответил Вовка таким тоном, как можно было сказать: «Мы из Парижа» или, на худой конец, «из Казани»...

Но девчонка на тон не обратила никакого внимания.

-А хотите, я вас провожу... я в музее три раза бывала с классом и потом одна много раз. Я знаю, где что расположено. С вами ведь всё равно экскурсовод ходить не будет

-Мы и так посмотрим, - нахмурился Шурка. – Нам провожатых не надо – мы всегда сами обходимся...

Девчонка фыркнула, крутанула полами своего коротенького пальто и пошла со своим мороженым на другую сторону улицы, где, как заметил Вовка, остановилась и стала в открытую наблюдать за чужими мальчишками.

Зелёный музей с красной крышей оказался открытым, но ребята перед самыми дверьми сразу увидели пушку без колёс, которая... просто так лежала на пожухлой прошлогодней траве. Старинная пушка вся была изукрашена узорами, вроде тех, что ребята уже видели на металлических оконных ставнях.

-Пушки и ставни, наверное, на одном и том же заводе делали, - заключили юные краеведы... - А вот что тут за буквы: половина русских, а половина не по-нашему?..

-Мальчики, заходите внутрь, а то мы скоро на обед закроем, - приоткрыла дверь маленькая, прозрачная старушка.

В музей вход был совсем бесплатным, и старушка показала им с какой стороны начинается обход музейных залов.

-Бабушка, а про Ярослава Гашека где?..

-Это там – в большом зале про гражданскую войну... сами увидите...

В музее всё было интересно: от скелетов ископаемых рыб до чучел современных птиц и зверей, но Вовка стремился в заданном направлении, тем более, что старушка сказала про скорый перерыв на обед.

...И вот перед ним отрылся целый оружейный мир. Стены большого зала почти полностью были увешаны старинными знамёнами, под которыми крест-накрест сияли сабли, шпаги, кинжалы и совсем старинные мечи. Каждая сабля и каждый меч были не просто лезвие с рукояткой – они притягивали взгляд кружевными из бронзы и стали эфесами, а лезвия украшены тёмными узорами и старинными надписями, на многих из которых из глубины веков сияла слава воинской доблести и геройства...

А вот и знакомая фотография, только она сильно увеличена. Целая музейная стена посвящена Ярославу Гашеку....

Вовка ещё и ещё раз всматривался в выцветшие фотографии с солдатами в будёновках и папахах, которые смотрели прямо на Вовку из времён далёкой Гражданской войны, пытался читать какие-то документы на пожелтевшей бумаге, некоторые из которых были подписаны самим комендантом города Бугульмы.

Под стендом с документами и фотографиями, прямо на полу стоял вот так запросто самый настоящий... пулемёт Максим, которые – это знали все ребята – были на буденовских и чапаевских тачанках!..

«Этот пулемёт, наверное, тоже стоял на тачанке, а может, и нет, но в боях-то уж он точно участвовал, и какой-то пулемётчик палил из него напрапалую по вражеским цепям...» - думал Вовка, циркулем крутясь возле грозного оружия, разглядывая его со всех сторон – от щитка и колес до кончика ствола...

В соседнем зале всё было про Великую Отечественную войну. Там уже крутился нетерпеливый Васёк, который долго не стоял возле фотографий и документов, а только смотрел настоящее оружие «живьём», далеко опередив Вовку и Шурку. Он явно намеревался сделать не один круг по музейному маршруту

-Вовка, вот какая должна быть противотанковая пушка!.. А у нас не такая...- присматривался он к маленькой пушке, которая занимала половину зала... - Эх, жалко – нет фотоаппарата...

Вовка и сам уже сто раз пожалел, что они не додумались взять с собой Тольку Пименова или хотя бы его фотик...

А возле стенда с автоматами и пистолетами стояла та самая девчонка в коротеньком пальто и смотрела не на чудооружие под стеклом, а на ребят. Она не решилась подойти к Шурке с его загнутыми по-девчоночьи ресницами и тяжёлым взглядом из-под них. Васёк сам всегда стеснялся девчонок, хотя никому в этом не признавался, но Вовка-то видел, что причиной стеснительности являются его веснушки, которые, по правде говоря, пока ещё и не были сильно заметны по причине ещё только самой ранней весны.

Вовка девчонок не боялся и относился к ним намного терпимее, чем Шурка, который в любую минуту готов был спорить хоть на миллиард рублей, что он никогда не женится. Забегая вперёд, придётся сказать, что в какой-то момент Шурка резко переменял своё нетерпимое отношение к девчонкам, да так, что как раз взял и женился самым первым из всех пацанов панинского штаба. Вовка так и не узнал, что же явилось причиной такой удивительно быстрой перемены Шуркиного чисто мужского характера...

-У нас уже знакомые в Бугульме появились, - первым заговорил Вовка, подойдя вплотную к стенду с автоматами. - Как это ты нас нашла?..

-И вовсе я вас не искала... и мы ещё совсем незнакомые...

-Тогда меня зовут Вовка, его Васёк, а того – Шурка...

Оказалось, что девчонка живёт в соседнем с музеем большом доме, и мама послала её в магазин за хлебом.

-Вот видите, хлеб, - предъявила она авоську. - А зовут меня Женя, и я учусь в пятом классе...

«Ого... а мы в этом году только переходить в пятый класс собираемся, - удивился Вовка. - А на вид даже очень маленькая...»

Но никто из ребят не признался, что они на целый класс младше, а Шурка и вовсе стоял далеко в стороне...

В музее оставалось ещё много интересного, когда та же маленькая старушка объявила, что они закрываются на обед, и пацанам, а вместе с ними и бугульминской Жене, ничего не оставалось делать, как выйти на улицу, где они снова остановились возле пушки.

-Это пугачёвская пушка – нам экскурсовод говорила, - продолжила Женя музейный разговор.

-А не из той ли она меди сделана, которую добывали в Глазовских пещерах? – заподозрил Васёк, опять пытаясь разобраться в старославянской вязи на могучем стволе.

-Может из той... только вряд ли на ней про это написано...

-А что за пещеры у вас? – спросила Женя.

И Вовке пришлось рассказать любопытной девчонке о пещерах, о склепе и даже о рыбалке. Васёк забыл про свои веснушки и тоже рассказывал, иногда перебивая Вовку, и оба были очень довольные, что не только в Бугульме, но и возле Зеленогорска есть много интересного...

Когда они узнали у прохожего дядьки сколько времени, то оказалось, что до автобуса со знакомой кондукторшей ещё целых полтора часа, а тут к остановке подрулил местный автобус, на табличке которого значилось: «Жд. Вокзал». Вовка вспомнил про паровозы, и ребята зашли в широко распахнутые автобусные двери.

-Я бы тоже с вами поехала, но меня ждёт мама с хлебом, - распрощалась с ними Женя, а Вовка уже в автобусе подумал, что надо было взять адрес, а потом написать письмо, но теперь было поздно...

Вышли они на конечной остановке, которая представляла собой большую привокзальную площадь. Ребята не стали задерживаться в сумрачных после яркого весеннего света залах, где на длинных скамейках сидели и даже лежали люди. Сразу направились по указательным стрелкам на перрон.

А за перроном в разные стороны укатывали бесщётные ряды блестящих рельсов красавцы паровозы, то и дело окатывая себя и друг дружку клубами тугого пара. Иногда они коротко и длинно гудели, переговариваясь между собой. Самыми интересными и даже немножко смешными, были маленькие паровозики, которые пыхтя до невозможности, толкали впереди себя огромные, неповоротливые и скрипучие вагоны.

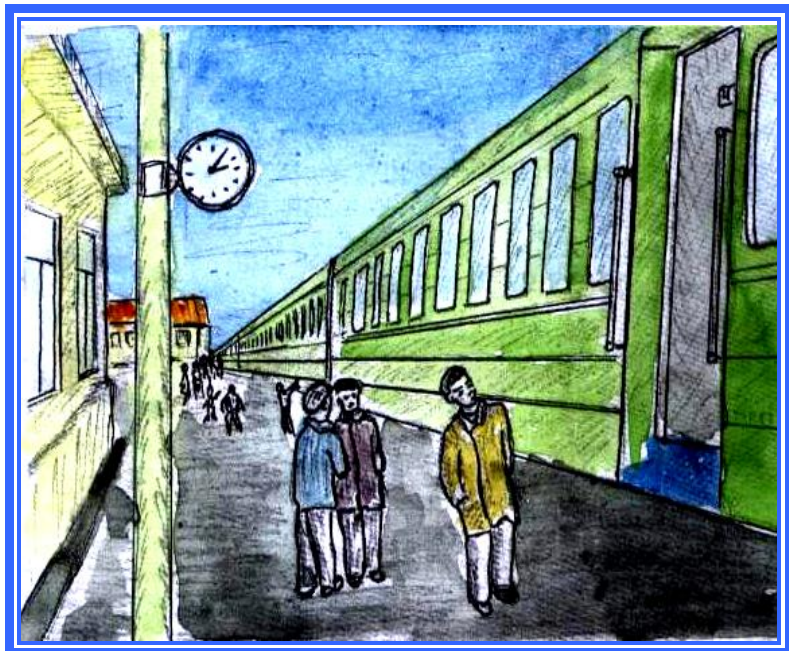
Не скоро ещё Вовка отвёл глаза от паровозов и вагонов и посмотрел на людей, которых на перроне становилось всё больше и больше. Над головами зашелестело:

-Идёт, идёт... челябинский...

Длиннющий состав медленно вполз на первый путь – вплотную к перрону. Его паровоз весь сиял ярко-зелёной краской на фоне густо-чёрного общего цвета и полукрасных больших колёс. Пассажиры выпрыгивали из вагонов, бежали к ларькам или просто прогуливались от вагона к вагону...

Кто не испытал при таком сказочном виде горячее желание очутиться внутри зелёного вагона вместе с другими пассажирами и помчаться куда-то под весёлый и дробный рельсовый перестук и залихватские паровозные гудки?..

«Для чего в вагонах сделали длинные полки?.. – думал Вовка. – Разве можно в поезде спать?.. Да я бы всю дорогу только и делал, что в окно смотрел...»

Поезд стоял недолго. Вот паровоз дёрнул раз-другой, медленно поплыли вагоны мимо потерявших счёт времени пацанов. За окнами чьи-то лица, молодые и старые, и совсем детские. Как же им завидовали Вовка с друзьями, как хотелось поменяться с ними местами и мчаться, мчаться, оставляя за окнами вагона и хвостом поезда чьи-то скучные и однообразные дни...

Ребята встретили и проводили ещё один поезд, но вокзальные часы шли всё-таки вперёд и скоро они, дружно поздоровавшись с кондукторшей, ехали в обратный путь, каждый втихомолку вновь и вновь прокручивая в голове события такого длинного дня.

Много дней после этого знаменательного путешествия рассказы ребят были в центре внимания не только друзей из укрепрайона, но и в школьном классе. А учительница Валентина Фёдоровна рассказала всем, что и возле их теперешнего Зеленогорска тоже шли бои в Гражданскую войну, и даже организовала экскурсию на гору за станцией, на которой когда-то красноармейцы держали геройскую оборону. Правда ни Васёк, ни Вовка с Шуркой, ни другие ребята ничего похожего на свой укрепрайон там не нашли. Но всё же что-то напоминало старые-престарые ямы, давно заросшие травой и почти сровнявшиеся с косогором.

Деревня

Откуда же было Вовке знать, что уже этим летом он поедет на таком вот поезде в гости к своим двоюродным братьям и сёстрам, которых у него в большом селении с красивым названием Новые Сосны было целых восемь и самых разных возрастов.

Два старших брата отца жили в этой большой деревне, и у каждого было ровно по четверо детей - сговорились три брата что ли?..

Отец сам на большой машине соседского шофёра довёз Вовку до Бугульмы и посадил на поезд, попросив пожилую проводницу проследить за ним и высадить на станции Клявлино.

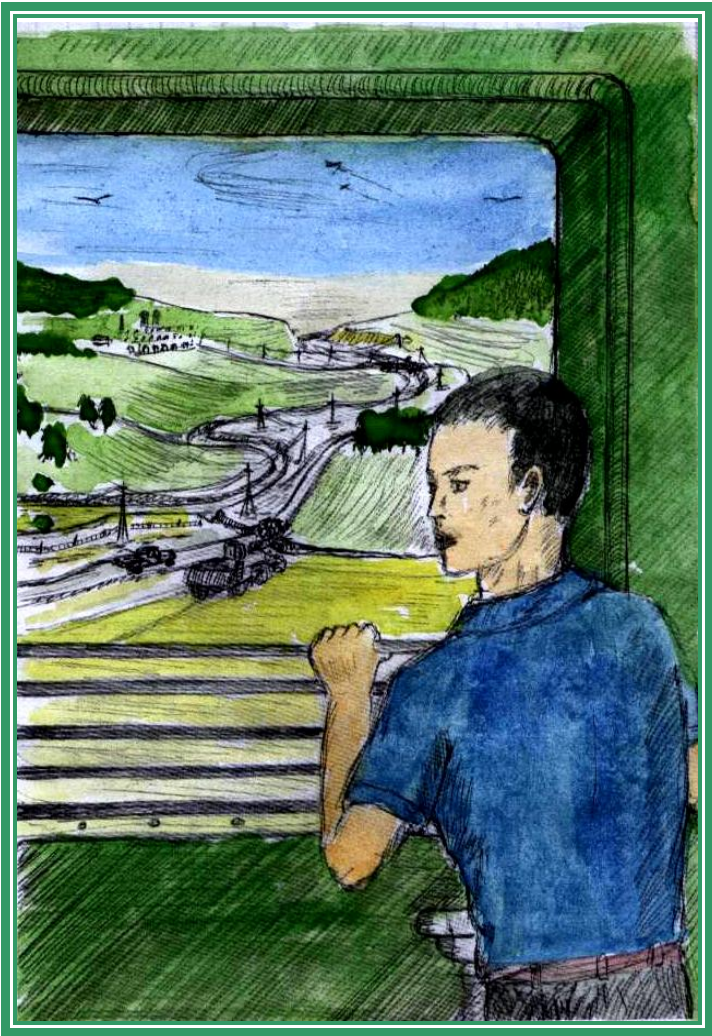
- Там на вокзале у любого местного спросишь, где Батяевы живут и все тебе покажут... а лучше к милиционеру подойди - он всё время на вокзале торчит...

И Вовка первый раз в жизни поехал в дальнюю даль. Проводница сама усадила путешественника на сиденье возле окна:

- Тут ехать чуть больше часа, так что тебе лучше никуда не ходить, а сидеть на этом месте. Если встанешь, то место сразу займут - видишь сколько народа...

В Бугульме народа в общий вагон набилось много. Наверное, день был базарный, потому что люди в большинстве сидели рядом с мешками, а то и прямо на мешках. Так что хоть вагон и был переполнен, а всё-таки все пассажиры были устроены.

Но через какие-то десять-пятнадцать минут Вовка, не смотря на то, что почти не отрывался от окна, всё-таки

заметил маленького старичка в длинном полосатом халате и рюкзаком за спиной. Старичок беспомощно и как-то подслеповато озирался по сторонам, пробираясь между корзинами, узлами и скрюченными телами.

Вовка дождался, когда старичок поравнялся с ним и молча встал. Он почему-то не любил слова «пожалуйста», «спасибо» и им подобные, поэтому он не просто уступал место в автобусах или как теперь в вагоне, а делал вид, что ему пора выходить или вообще не занимал места, чтобы не уступить его через минуту...

В душе облегчённый Вовка вышел в тамбур, где два разгорячённых солдата вспоминали дни своей службы. Он прислонился к закрытой двери с большим окном и теперь уже всецело отдал себя во власть того, что пронесилось за вагоном и забываемого перестука под ногами.

-Всё... подъезжаем к станции Клявлино, - вышла проводница в тамбур, которая уже давно заметила там Вовку, но понимающе промолчала, а потом просто попросила его хотя бы из тамбура никуда не уходить.

Вовка попрощался с вагонной хозяйкой и меньше, чем через час сидел в доме родственников отца – Батяевых, и пил молоко с краюхой круглого и вкусного домашнего хлеба.

-Папка просил, чтобы вы меня в Сосны отвезли на своей машине к дяде Семёну или к дяде Филиппу...

Дядя Вася Батаяв был инвалидом войны, как и дядя Вася Венедиктов, но у него не было только одной ноги, вместо которой был не скрытый протез, как у Витькиного отца, а большая, не сгибающаяся деревянная нога, которая громко стучала по большим половицам деревенского дома.

Но зато у дяди Васи из Клявлино тоже была такая же инвалидная машина, и он и увёз на другой день Вовку в Новые Сосны, до которых от станции было всего-то десять километров.

Первое, что увидел Вовка из открытой всем ветрам инвалидки, была большая церковь. Если не считать каменных развалин в его Зеленогорске, Вовка церковь видел впервые. На церкви были самые настоящие кресты. Вовка успел заметить, что дядя Вася быстро перекрестился, проезжая мимо...

Когда Вовка осмотрелся в доме дяди Филиппа, то он обнаружил, что по возрасту ему больше всего в друзья подходит Колька, а у дяди Семёна были поголовно девчонки, что для Вовки никакого интереса не представляло.

Дядя Филипп был ненамного старше Вовкиного отца и всю жизнь валял валенки, которые в любой деревне и во многих городах были главной и нередко единственной обувью в зимне-снежное время для всех, независимо от возраста и пола. Понятно, что валять валенки было делом необходимым, но настолько же и вредным – особенно для глаз. И дядя Филипп очень плохо видел, но валял он прекрасно и на ощупь.

Вся семья в меру сил помогала ему в этом. На долю Кольки и других младших приходилось перебирать и чистить шерсть. Вовка само собой подключился к этой бригаде. Правда, поначалу его, как гостя не хотели нагружать чем бы то ни было, но Вовка упрямо садился возле куля с шерстью и все молча согласилось, тем более, что польза от нового помощника всё же была, хоть и чуть меньше, чем от остальных чесальщиков.

Но этим делом пацанам приходилось заниматься всего-то каких-нибудь полтора-два часа в день, так что вполне хватало времени и для настоящих мальчишеских дел. Вовка с Колькой и его другом и соседом Валеркой выбрали место для своих забав на большом лугу, сразу за околицей. Луг этот был намного больше зеленогорского пустыря, на нём плотно стелилась густая летняя трава, которая заканчивалась высоким обрывом с большой запрудой внизу.

-Да здесь самое место для землянок! – сразу воспрял многоопытный в этих делах Вовка. – Даже лучше, чем у нас.

К строительству привлекли всю местную и приезжую пацанву, из которой очень быстро организовался отряд. Правда, поменьше, чем в Зеленогорске, но тоже вполне боеспособный, по разумению Вовки. Землянка получилась как нельзя лучше. Верхнее перекрытие замаскировали плотным дёрном и догадаться, что под ногами землянка можно было только при виде норы в овражном откосе, да и то, если тебе не более двенадцати-тринадцати лет, и если ты знаешь, что такое землянка.

Автоматы, винтовки и пистолеты тоже были сделаны под присмотром Вовки и Кольки, которого местные пацаны избрали командиром, а Вовка автоматически занял пост военного советника. Всё бы ничего, но воевать в деревне оказалось не с кем. Даже самого завалящего противника от околицы до околицы обнаружено не было. Да и откуда ему взяться?.. Ведь вся наличная деревенская ребятня «призывного» возраста вместе с приезжими уже состояла в списках нового отряда.

Вовка, было, предложил направить гонцов в соседнюю деревню с объявлением небольшой позиционной войны, но Колька Панин и Валерка его не поддержали.

-Давай лучше разделимся на две команды и будем играть в казаки-разбойники. И плот на пруду можно сделать, как у вас и плавать наперегонки...

На том и порешили. Казаки-разбойники ловили друг друга не только вокруг землянки, которая так и осталась в единственном числе, но и на пиратских плотках по акватории пруда. Часто проводились глубокие рейды в окрестные леса, душой которых и заводилой был, конечно же, Вовка. Здесь, на новом месте, ему ничего не надо было придумывать – всё шло один к одному по зеленогорскому опыту. По вечерам также на обрывистом берегу иногда горел костёр, но в деревенском клубе почти каждый вечер крутили кинофильмы и здешние ребята не хотели пропускать ни одного, даже про любовь.

В Новых Соснах было примерно триста домов, и почти все они тянулись вдоль широкой улицы с короткими прогонами поперёк. Что больше всего на первых порах поразило Вовку, так это соломенные крыши, которыми были украшены ещё очень и очень многие дома и домишки, даже полы в некоторых из них были земляные...

«Прямо как во времена тургеневских ребят из ночного, – с грустью размышлял Вовка, шагая мимо таких избёнок. – А ведь уже в космос полетели...»

-В таких домах теперь только самые старенькие дедки и бабки живут, - пытался развеять грустные мысли брата Колька. – У нас ведь пол из досок и крыша шиферная...

-И всё же по земле всё время ходить, наверное, холодно, особенно зимой... и грязи с пылью, наверное, хватает...

Вовка представлял босых дедок и бабушек, шаркающих по заиндевелому земляному полу, и его переполняла то ли жалость, то ли обида на некую несправедливость, до сих пор не изжитую и в деревнях, и в городах...

...Сельский клуб занимал самое большое, издалека видное, здание в деревне. Наверное, оно осталось после кулака или другого сельского богатея. В нём только убрали все внутренние стены и перегородки. Перед фильмом киномеханик, стоя в дверях, направо и налево раздавал билеты, обратно получал беленькие и жёлтенькие монетки, а когда уходил из дверей и включал огромный кинопроектор, наступала оче-

редь разнокалиберной пацанвы, которая тихо рессаживалась на полу прямо перед экраном и в проходе.

Киномеханик этому не препятствовал, его главным условием было: «Не шуметь!». Если же кто из малышни начал громко вкаты, то с ним разбирались сами пацаны...

Взрослые парни и мужики вольно выходили покурить на улицу и могли продолжать смотреть кино или через дверь или воткнувшись в окна, которые не закрывали даже в дождь: подумаешь, капля-другая залетит внутрь...

На задних, самых задних лавках вдоль стены, обнимались парочки, прячась за лучом кинопроектора, который механик предусмотрительно устанавливал чуть ли не в самой середине клуба. А из-за огромной русской печки, закрытой висящим экраном, через гремящий динамик иногда пробивались трели клубного сверчка – прямо как в хибаре буратиновского папы Карло.

После фильма, сидя на брёвнышках возле своей избы, ребята ещё долго обсуждали самые острые моменты из кино, заново переживая геройские подвиги. Возле других изб тоже подолгу не расходились курящие мужики и нешумно обнимающиеся парочки.

Малина

-С завтрашнего дня в пищепроме начинают малину собирать, - объявил однажды после такого вот кино Валерка Кругликов. – Туда принимают всех пацанов и девчонок. За литровую банку дают десять копеек, а за день, даже не спеша, можно набрать банок десять и даже больше, - специально для Вовки пояснил Валерка. – Ну, как, пойдёшь с нами?..

Не могло быть речи, чтобы Вовка отстал от своих новых друзей, да и что бы он делал, в одиночку мотаясь по деревенским закоулкам?.. На это времени хватит и после сбора малины, кроме того, и заработок какой-никакой...

В Зеленогорских огородах и садах малину тоже выращивали, но многие хозяйки предпочитали собирать в окрестных лесах дикую клубнику и землянику, а колючая малина чаще всего служила вместо дополнительного забора. Когда на другое утро он увидел этот самый пищепром, то сразу вспомнил чахлые кустики вдоль заборов поселковых садоводов – здесь ряды высоченной малины тянулись частыми полосами на сколько хватало глаз и до самого горизонта.

-Чья же это такая малина? – обомлел вытарашенный Вовка.

-Ничья! – сразу ответил Колька. – Просто государственная... мы здесь каждый год ягоды собираем и сдаём в приёмный пункт. И сами, пока собираем, едим сколько влезет... из дома только хлеб берём, а вода тут есть...

-Если разрешают съесть, сколько влезет, то сколько же вы сдаёте?..

-А больше полбанки так и так не съешь – оскомина быстро заедает...

Скоро к толпе ребят подошёл какой-то красноносый дядька в клеёнчатом переднике и соломенной шляпе, записал всех прибывших пацанов и девчонок в тетрадку. Набралось детворы со всех близлежащих деревень и со станции целая тьма, и дядька долго распределял работников по рядам, засыпанным малиновым ароматом, инструктировал, давал всякие полезные советы.

-Собирать только самые спелые, которые сами снимаются с корешка... банку набрали и бегом в приёмный пункт – я всех буду отдельно отмечать. И чтобы все были в шляпах из газет или бумажного мешка – старые газеты можно взять возле приёмного пункта...

-А для чего шляпы, да ещё из газеты? – опять удивился Вовка.

-Здесь в прошлом году один пацан от солнечного удара чуть не помер... в больнице долго лежал, а потом, говорят, умом тронулся...

-Ух ты... и такое бывает... у нас в Зеленогорске всё лето пацаны с пустой головой бегают и ничего не случается.

-Да мы тоже у себя по деревне... это тот мальчишка с непривычки, наверное, перегрелся... неженка городская.

За разговорами Колька, ловко сгибая газетные листы, смастерил себе и Вовке заливчатские кепки с козырьками и взял инициативу на себя:

-Валерка, я и ты берём три ряда по соседству... друг от дружки не отставать и собирать только спелую и всю. Дядька может проверить и, если спелая останется, то всех денег не отдаст.... Но отстающему надо помогать, - переглянулись Колька с Валеркой.

Ребята правду говорили, что много малины не съешь. Поначалу Вовка кидал её в рот горстями, но совсем скоро у малины исчез вкус, и она стала похожей на чуть подслащенную воду, интерес к ягоде пропал, и она посыпалась в банку.

Собирать ягоды (дело хоть и нетрудное, но мучительное) Вовка не любил. Черёмуху ещё куда ни шло – знай, складывай кисточки в бидончик, а ягоды рвёшь – рвёшь, а даже донышко никак не хочет закрываться...

Но мать частенько брала с собой Вовку по полям и лугам в ягодную пору и ставила ему строгую задачу: непременно набрать полный бидон литра на три. Сама же при этом умудрялась наполнить самой душистой ягодой-земляникой огромное ведро с бугром да ещё немного в ситцевый платок. А Вовке нужен был сразу толк от того дела, чем он занимался. Именно поэтому собирать грибы было для него одним из самых любимых занятий в отличие от сбора ягод...

Но сначала и здесь дело пошло неплохо. Вовка сравнительно быстро набрал первую банку и отнёс её в приёмный пункт, где получил первый крестик в тетрабочке напротив своей фамилии. Ему очень не хотелось отстать от Кольки с Валеркой, и он старался изо всех сил. Но сказывался опыт ежегодной страды и между ребятами стал появляться разрыв. Когда Колька с Валеркой ушли вперёд на целых два куста, они вернулись к Вовке и быстро подтянули его до своего уровня. И всё же, когда Вовка заполучил третий крестик в тетрабочке, у его друзей было уже по пять!..

-Вовка!.. Давай веселей!.. Скоро обед и большой отдых! – кричали ему ребята с соседних рядов.

Но дело шло не только к обеду, но и к самому солнцепёку и Вовка начал уставать. Пальцы и даже ладони давно стали густо-малинового цвета, колючие лозины исцарапали голые руки до самых плеч, колючки иногда доставали и до лица, но надо было терпеть. И Вовка мужественно терпел, с надеждой и тоской поглядывая на своих неутомимых напарников.

«Когда же им-то надоест?.. Да... малину собирать – это не корову пасти и даже не картошку копать – самая вредная работа...»

А тут ещё стала попадаться злая крапива, которая в густой малине была почти такого же роста, как и сама малина. Теперь к колючкам прибавился жгучий крапивный огонь – ну прямо хоть сейчас ложись и тут же помирай...

За всякими такого рода мыслями, Вовка не сразу заметил Кольку с Валеркой. А они уже давно потихоньку встали на его ряд поблизости.

-У нас уже по седьмой банке – давай мы тебе подсыпем, а себе снова наберём...

Ребята с бугром наполнили Вовкину пятую банку, и пока тот отдыхал, быстренько вновь заполнили свои.

-Может, хватит на сегодня? – почти молитвенно проговорил Вовка.

-Всё... Для первого дня и так много набрали – мы и сами уже измаялись – дальше некуда...

Возле будки толпилась очередь. Выдавать деньги было делом длинным – не то, что крестики ставить. И без того загорелая ребятня, казалось, ещё больше почернела, а у кого загар до того был слабый, лица пылали настоящим огнём. Но многие, самые упорные, ещё оставались возле своих рядов. Среди них было немало взрослых мужиков и тёток, которые сдавали малину целыми вёдрами – наверное, потому, чтобы не мотаться с банками туда-сюда и не терять времени.

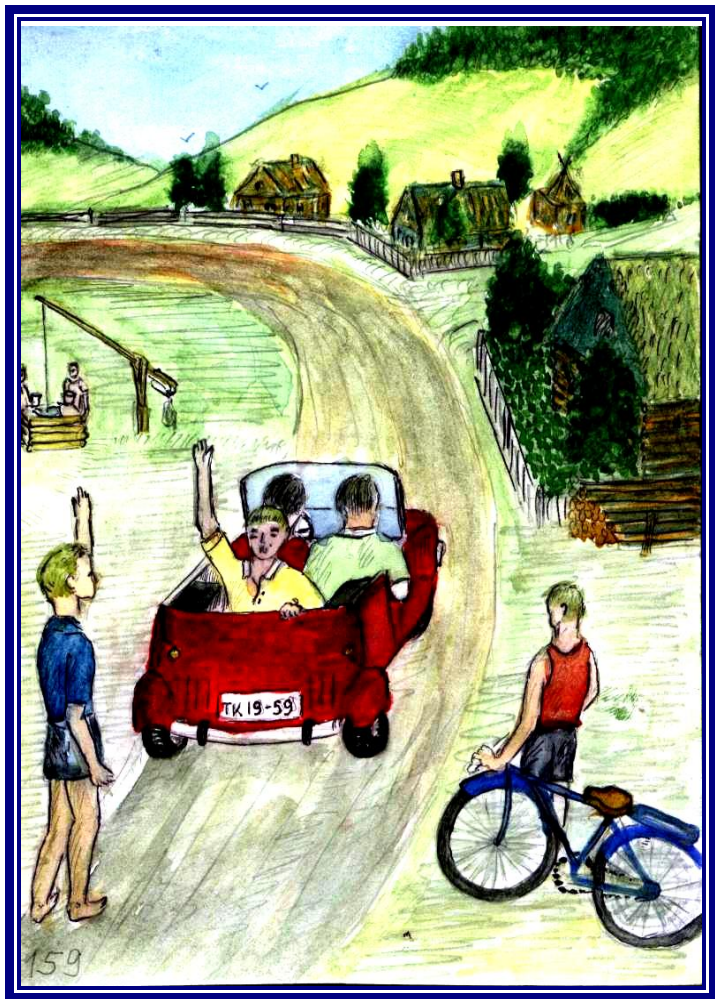
Когда ребята получили свой заработок, а Вовка и вовсе в первый раз в своей жизни, то решили пойти на станцию, до которой от пищедрома было совсем недалеко. По пути они остановились на небольшом прудике, в котором в изнеможении барахтались до посинения, но усталость от купания – это ведь гораздо не то, что от сбора ягод, и в итоге получилось очень даже хорошее настроение.

Исчезли многочисленные чёрные точки от колючек, пропали красно-ржавые пятна от крапивы – да много ли надо беззаботному детству, чтобы раз и навсегда забыть горестные и мрачные мысли, которые ещё совсем недавно заполняли его существо с ног до головы...

-Обратно дядю Васю на машине попросим довести, а если нет, то напрямую через лес в два раза ближе, чем по дороге, - решили ребята, припустившись со всех ног в сторону издалека видной водонапорной башни.

Клявлинский вокзал был намного меньше бугульминского, но здесь тоже были всевозможные ларьки с конфетами, печеньем и лимонадом, на что ребята и вбухали весь свой заработок. Они были не одиноки – все ларьки в этот день имели выручку от ребятни, звенящей мелочью вперемешку с помятыми рубличками. От души напичкавшись сами, ребята довели ещё на инвалидке дяди Васи гостинцы для самого маленького Колькиного братика.

Целую неделю вокруг жужжала малиновая страда. Вовка за это время так набил руки, что почти не отставал от своих друзей-напарников. В конце сбора урожая он довёл счёт своим банкам до десяти штук в день, правда, Колька с Валеркой при этом сдали по двенадцать.

На вокзал ребята больше не ходили, а со второго же дня решили копить на велосипед «Подросток», который ярко блеснул своими колёсами и рулём в пристанционном магазине. Вовка хоть и был временным в пока неразлучной троице, но свой заработок сполна сдавал в общий котёл, которым заведовал Колька. Велосипед стоил тридцать новых рублей, и денег хватило даже на небольшое пиршество по такому замечательному поводу на всю деревню.

Сколько гордости было в глазах и походке ребят, когда они по очереди ехали на нём по станции, а потом и по деревне. В Зеленогорске из всех панинцев лишь у Тольки Пименова был велосипед, но благодаря этому многие ребята, в том числе и Вовка, уверенно крутили педали, чего никак нельзя было сказать про новососнинцев Кольку и Валерку.

Они со жгучей завистью смотрели и бежали вслед Вовке, когда тот, разогнавшись, пускал велосипед по инерции вскачь.

-Вот что значит городской мальчишка! – перекликались между собой Валерка с Колькой, безнадежно отстав от велосипедиста.

Вовка делал крутой вираж и разворачивался в обратную сторону.

-Берегись! – вопил он во всю глотку, направляя руль прямо на ребят, но тут же тормозил, и останавливался, словно вкопанный.

Когда же в седло взгромождались Колька или Валерка, то двое других цеплялись за руль с обеих сторон и тихонько катили напрягшегося до пружинной степени седока.

Но и сельские ребята оказались способными учениками и уже через день они выруливали по деревне не хуже Вовки. Были далеко забыты не только автоматы и пистолеты, но и землянка вместе с прудом и плотом на ней. Теперь с утра до вечера (не считая, конечно, домашних дел) поляну, улицу и переулки утожил весёлый стальной конёк-горбунок, а за ним стайкой носились ребята, дожидаясь своей очереди.

Но в один из таких распрекрасных дней за Вовкой приехал отец. На закате летнего дня он сидел на высоком крыльчке Колькиного дома и вёл неспешную беседу со своими старшими братьями. Тогда и нарисовались пацаны вместе с шикарным велосипедом.

-Смотри-ка!.. Подрос тут он у вас на деревенских харчах! – хлопнул он по плечу дядю Филиппа. – А какой красивый у них велосипед.... Да... жалко, наверное, с ним будет

расставаться?.. Ладно, как домой приедем – купим такой же.... не обеднеем...

По правде говоря, Вовке хоть и было немного жаль расставаться со своими, ставшими уже многочисленными, новыми друзьями, но он уже давно думал о своём укрепрайоне, о Ваське и Шурке, о других ребятах. Иногда укрепрайон с друзьями даже снился ему по ночам.

«А на велосипеде и в Зеленогорске можно будет гонять... Хорошо, если и Ваське с Шуркой купят – размечтался Вовка перед сном в последнюю ночь. - Тогда и на рыбалку можно будет на великах ездить... уж, наверное, побыстрее, чем на самокатах...»

Наутро сборы были недолги. Вовка попрощался со всеми пацанами, кого успел увидеть с утра, с Колькой и Валеркой сбегали последний разок к землянке и пруду, и скоро инвалидка затархтела в сторону станции....

Переворот Голуби

Как и всякий общественный строй во все исторические времена, Вовкину команду тоже иногда лихорадило, внутри происходили брожения. Если по какой-то причине случалось крупно повздорить Вовке с Васькой, то первым заместителем становился Шурка. Васёк же вообще отказывался участвовать в делах команды до какого-либо особого случая, когда он вновь вливался в состав штаба и тогда автоматически занимал свой прежний пост.

Самое бурное восстание, кончившееся свержением Вовки с поста главнокомандующего (правда, временным), произошло уже задолго после окончания многолетней войны с плахинцами. Скорее, это было даже не восстание, а просто переворот.

В переулке Ягодном (это через два дома напротив Вовкиного барака) поселился Митька Курочкин – паренёк на пару лет старше Вовки и его заместителей. Но не это было замечательным. Младшая сестрёнка Митьки стала первой красавицей на всю округу, включая и переулок Красный с бараками плахинской команды.

Кроме Таньки в семье Курочкиных был ещё и Пашка – бледный и прозрачный мальчишка, который очень быстро получил кличку Поганка за то, что мог копать в мусорных ящиках, на спор глотал свою мочу, даже лез руками в выгребную яму. За всё это с ним никто не дружил, его презирали, иногда несильно били... даже Митька с Танькой сторонились его.

Главным увлечением Митьки были голуби. В этом ему сильно помогал его отец и первое, что у них с приездом появилось на подворье, кроме штатного сарая – это голубятня. Она как раз и взгромоздилась на крышу сарая. В голубятне были разные отделения: для семейных голубей, для молодня-

ка, отстойник для залётных голубей и даже больница для прихворнувших.

Голубятня во все стороны ошетилилась шестами с наестами, которые пустовали разве что по ночам. А днём Митька, часто с отцом, только и делали, что выпускали и запускали разнопородные стайки. В посёлке было ещё несколько голубятников и между ними шло негласное соперничество.

Если от какой-то стаи почему-то отбивался голубь, а то и пара, то Митька выпускал своих, особо приученных завлекать блудных в стаю и конвоировать их в свою голубятню. Через несколько дней карантина чужаки привыкали, и становились собственностью удачливого голубятника.

От бдительного ока Шурки Иванчина не ускользнуло то, что Вовка стал много времени проводить во дворе Курочкиных, но сам Вовка этого не почувствовал. Теперь он, едва подзакусив с утра и быстро управившись с домашними делами и по команде в укрепрайоне, летел на голубятню, где кормил прихваченным из дома пшеном голубей, просто наблюдал за ними или азартно махал длинным шестом с красной тряпкой – пугалом...

Ему казалось, что рядом с голубями он уже целую вечность, но он никак не мог взять в толк: то ли к голубям вместе с Митькой он сюда стремится, то ли потому, что возле голубей почти всё время можно было видеть Таньку.

Долго так продолжаться не могло и однажды Васёк и Шурка встретили Вовку на крыльце барака.

-Слышал песню про Стеньку Разина? – с потайной ехидцей и угрозой спросил Шурка.

Как не слышать.... это была самая популярная застольная песня, которую пели взрослые во время всех праздников.

-Слышал, конечно...

-А помнишь, как там поют: «Нас на бабу променял...»?..

-Да, вы что?!.. – сразу сообразил Вовка, откуда ветер. – Знаете, как с голубями интересно...

-Ты нам тут зубы не заговаривай... совсем перестал в землянки приходиться... с утра только заявишься, да и то на пять минут, а потом смываешься на целый день, - один за другим напирала Васёк и Шурка.

Чего там говорить... Вовка, конечно же, чувствовал, что в последнее время ребята на него затачивают зуб. Но

стремление, в котором он не признавался даже себе, не оставляло его.

-Нашёл друга... да после Поганки мы и рядом с тобой быть не хотим...

-Из-за Таньки он туда ходит! – резко бросил Шурка. – Скажешь, нет?.. Голуби тебе – это только для отвода глаз...

После такого серьёзного разговора Вовка на голубятне не появлялся несколько дней, полностью восстановив свой прежний жизненный распорядок. Как-то Вовка сидел на лафете гаубицы и наблюдал за строевой подготовкой, которую умело проводили Васёк и Шурка. Звучали команды, оба отделения сходились и расходились, разворачивались на месте, делали ружейные приёмы...

Вдруг Вовка увидел, что с улицы Донской к их оврагу с запрудой спускается Танька, за ней семенит Пашка-поганка. Близко они подходить не стали, а, усевшись на самом краю высокого оврага, стали наблюдать за Вовкой и его командой. Они и раньше иногда бывали на обрыве, смотрели пушки и землянки, но Поганку к пушкам, а тем более в землянку, не пускали. Таньке, как девчонке, и вовсе было не положено.

Когда случайный парад в честь гостей, хоть и не почётных, был закончен, к Вовке подошла явно смущённая Танька.

-А что это ты перестал к нам ходить?.. – ещё сильнее потупилась она. – И Митька спрашивает... он начал делать ещё одну маленькую голубятню, так что приходи помогать...

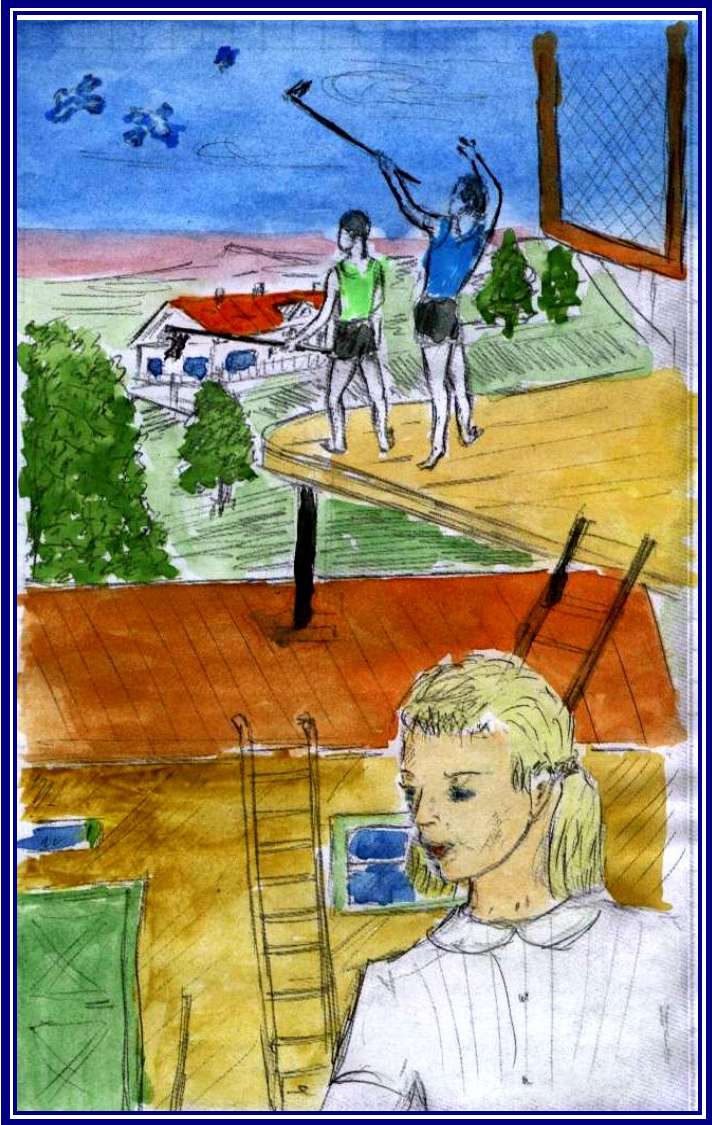
Вовка смотрел на Таньку, стараясь не встретиться с ней взглядом. Красивая Танька была невысокая, крепко сложенная девчонка с ярко-светлыми, большими глазами с чёрными ресницами и бровями, над которыми мягко струились золотистые волосы. На ней неизменно были светлая кофточка с короткими рукавами, синяя юбочка и в тон ей мягкие тапочки на босую ногу.

-Приду, - глухо и неопределённо обронил в сторону Вовка, хорошо представляя, как на это посмотрят его друзья.

Но, в предчувствии возможных осложнений, в голове у Вовки созрел интересный план. Вскоре после разговора с Танькой, Вовка, сидя за столом в землянке, поделился вроде бы как сам с собой:

-Нам надо бы военную санчасть завести... вдруг раненые будут...

-Какие раненые?! - сразу встревожился Шурка. – С плахинцами давно мир подписан...

-Плахинцы, плахинцы... ты что, не слыхал что ли – на станции тоже команда появилась...

-Ну и пусть появилась!.. Воевали без санчасти и ещё повоюем, если надо будет, - поддержал Шурку Васёк. – А я и сам себя перевязать смогу, если что...

-Во всех отрядах всегда бывают врачи и санитары. Они должны хотя бы первую помощь оказывать. Ты вот, Васёк, и без войны пятку порезал, до сих пор хромаешь! – выдал Вовка последний аргумент в пользу медицины.

-А Танька, конечно, будет главный врач? – ставил вопросы и точки Шурка. – Где же будет твоя санчасть?..

-Васёк, давай отдадим под санчасть одну землянку, - повернулся Вовка, надеясь на поддержку своего первого заместителя. – Самую маленькую, которая возле родника. Там всё равно ничего нет, и ничего не будет...

Васёк немного помолчал и примирительно заулыбался:

-Да ладно, Шурка... может, и правда санчасть завести... а вдруг понадобится.

Шурка до конца упрямо не соглашался, глухо ворчал:

-Он и Танька скоро станут как жених и невеста – все говорят.... Ну и заводи свою санчасть, только врачи и санитарки пусть себе сами землянку роют. И... подальше от главной...

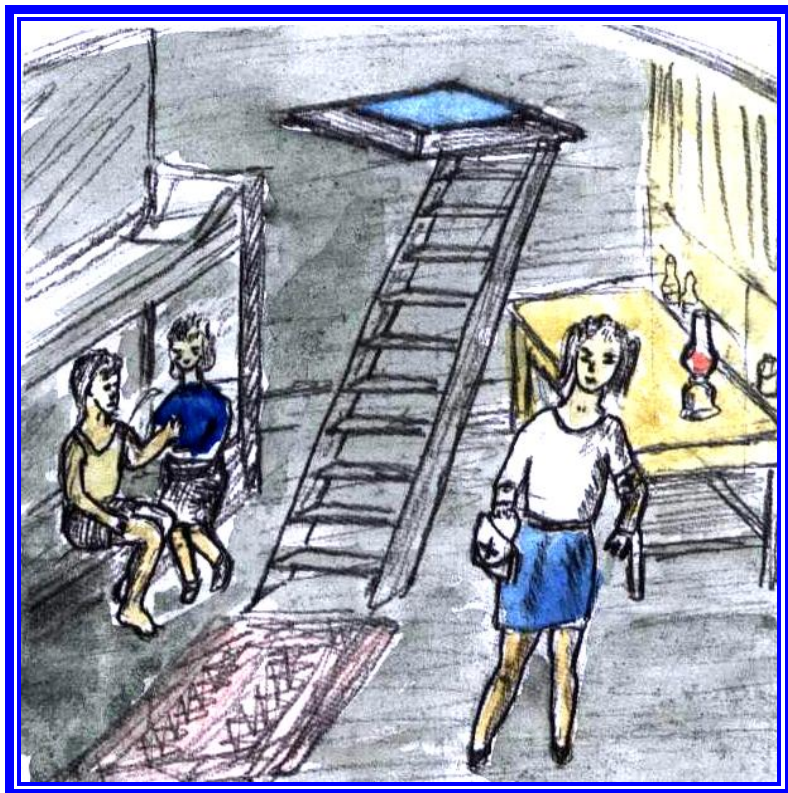
Вовку крепко задели слова про «жениха и невесту», ему стоило больших усилий пропустить их мимо своих ушей. А в остальном такое окончание принципиального разговора его вполне устраивало. Танька давно напрашивалась в отряд, но командир никак не мог перешагнуть через негласный закон – девчонкам в команде не бывать!.. Тем не менее, бойкая и деловитая Танька, не дожидаясь какого-либо решения, уже подыскала место под будущий госпиталь.

В квартале, где жили Вовка, Васёк и другие ребята, почему-то сломали один из сараев, но большой погреб хорошо сохранился. Его-то и нашла неугомонная Танька. После исследования Вовка высказал своё авторитетное мнение. Он решил, что погреб очень даже подойдёт для размещения санчасти. Требовалось только навести порядок и сделать надёжный люк.

Когда Таньке было передано решение высокого начальства, она в тот же день сформировала медперсонал из четырёх девчонок, которые быстро и умело навели в погребе порядок и уют. А вскоре и Вовка с Васькой спустились принимать новое подразделение в состав своей команды. Они

увидели аккуратно развешанные по стенам газеты и журнальные листы, чистый пол, застеленные какими-то тряпками полки.

-Это кровати для раненых, - пояснила Танька про полки в погребе.

На столе стояла ярко светившая керосиновая лампа, даже лучше, чем в командирской землянке.

«И как это они стол умудрились сюда спустить через такой люк?..»

Но до него сразу дошло, что стол спускали по частям, а потом его собрали уже внизу.

«Ну и девчонки – всё умеют...»

В небольшом настенном ящике стояли бутылочки йода и зелёнки, лежали куски чистой марли. Вовка тактично не стал спрашивать – откуда лекарство и марля.

«Прямо хоть снова войну с плахинцами начинай, - неожиданно откуда-то приплыла коварная мыслишка. – А то они так от безделья замаются... на радость Шурке...»

Но вслух он только и сказал:

-Нормально...

Через несколько дней девчонки и вовсе обжили свой погреб, который сами они непременно называли санчастью. Кроме Вовки и Васьки и возможных раненых, они туда никого не пускали, а Шурка, высокое положение которого тоже давало право беспрепятственно быть везде, где ему понадобится, санчасть презрительно не замечал и ближе гаубичного выстрела к ней не подходил...

Рядом с люком Вовка укрепил станковый пулемёт, который пришлось снять с позиций возле землянок. Надёжный люк тоже скототил Вовка, ему помогали братья Венедиктовы и Фёдка Тимохин. Постепенно Танька добилась невысказанного: её саму и медперсонал поставили в строй!.. Это многим не понравилось. Шурка и вовсе задышался от ярости...

Противостояние

Однажды Вовка обычным порядком доедал свою утреннюю кашу в кухне, как вдруг он услышал, что в дверь кто-то закрёбся. Именно - не постучал, а закрёбся. Распахнув дверь, Вовка увидел Пашку – поганку, отношение к которому не изменилось даже после открытия санчасти.

«Что-то случилось, - подумал Вовка, - иначе он никогда не пришёл бы ко мне...»

-Тебя Танька зовёт, - заикаясь и ещё больше бледнея, промямлил Пашка. – Она возле погреба с девчонками...

Танька и одна из её помощниц горестно сидели возле люка. Завидев Вовку, они снова дали волю чувствам и залились слезами:

-Кто-то пулемёт утащил и в санчасть лазил... а вчера всё на месте было...

Вовка внимательно осмотрел обрубок крепкого стального троса, на котором ещё вчера был закреплён пулемёт – трос перерубили топором или ещё чем-то острым и тяжёлым. Внизу чувствовалось, что тоже побывал посторонний, но большого погрома замечено не было.

Обуреваемый смутными подозрениями, Вовка поспешил к оврагу, где возле землянок пока одиноко копошился Васёк.

-Пацаны!.. Кто-то пулемёт утащил возле санчасти!..

-Это мы забрали его и поставили туда, где он стоял раньше! – со сталью в голосе проговорил в ту же минуту подошедший Шурка. – Нечего ему возле погребка для смеха стоять.... И без него не пропадут твои санитарки...

Вовка посмотрел на Ваську, Витьку и Серёгу, которые тоже подошли ко времени. Он понял, что над его головой сгустились такие чёрные тучи, о существовании которых в природе он раньше и не подозревал...

-Чего же вы хотите? – наконец глухо спросил Вовка, ни к кому не обращаясь.

-Или санчасть свою в погребке разгоняй или шуруй к своим Курочкиным голубей гонять и с Поганкой дружить! – поставил вперёд всех грозный ультиматум Шурка.

-Ладно... - после затяжного молчания пробурчал Вовка. – Я подумаю... а ты, Шурка. зря всех подговорил... и насчёт жениха и невесты – вся болтовня тоже только от тебя идёт... А вы, - обращаясь уже ко всем пацанам, - могли бы и своей башкой подумать...

-Вот мы все вместе и подумали. Очень хорошо подумали. А теперь тебе надо думать.... Мы и без такого командира обойдёмся! – бросил на весы свой авторитетный голос Васёк.

Целую неделю Вовка не ходил ни к Курочкиным, ни на Овражную. Каждое утро он вытаскивал в сарае отцовский инструмент и что-то пилил, строгал, заколачивал. В эти смутные дни его первыми нашли Алька и Наган, которые узнали о перевороте только на третий день. Вовка рассказал Альке про все дела.

-Да.... всё из-за девчонок...

Алька и Наган молча взялись помогать Вовке строить большую полку в сарае, которую давно собирался сделать отец.

Почти всегда по ночам Вовке снились похожие сны. Ему снились не землянки, а огромные подземные катакомбы, в которых повзводно и поротно стояли настоящие солдаты с настоящими автоматами и пулемётами и только ждали Вовкину команду, готовые в ту же минуту ринуться в бой.

Вовка обходил молчаливый строй, делал какие-то замечания безликим солдатам, но в бой против своих не спешил. Он выходил из катакомб, которые открывались прямо на укрепрайон, смотрел на Ваську и Шурку, которые почему-то его не видели, и думал:

«С такой армией, как у меня, я могу разгромить не только Шурку с Васькой, но и все команды вместе взятые, только я не хочу воевать со своими.... Но теперь пусть они только попробуют вздумать воевать против меня...»

По утрам Вовка особенно не жалел о том, что хорошо укреплённые катакомбы и настоящие солдаты с настоящим оружием всего лишь сон – он был уверен, что и без посторонней армии он скоро снова станет командиром.

Как-то, сразу вслед за Алькой и Наганом, появились братья Венедиктовы. Вовка, правда, и без них примерно знал, как течёт жизнь на Овражной. Он часто залезал на крышу сарая, откуда в самодельный бинокль без линз хорошо просматривались укрепрайон с пустырем. На поляне шли игры в городки и клёк, но сразу бросалась в глаза резкая малочисленность...

-Васёк с Шуркой теперь каждый день с утра до вечера между собой ругаются... то не так, это не так, - говорил Витёк. – Девчонок Шурка на поляну не пускает, а без тебя они и сами перестали приходить...

-А кто командир сейчас?..

-Да никто... Шурка с Васькой как лебедь, рак и щука тянут в разные стороны... их и не слушает никто.

-Вчера приходили Витька Плахин и Байрак. Они сказали, что Шурка с Васькой дураки, и ушли, - поддержал старшего брата Серёга.

Вовка напряжённо думал:

«Если братья Венедиктовы не против меня, Алька со своей командой тоже, то и остальные вряд ли будут за Шурку с Васькой.... Значит надо всем голосовать на общем построении, как на пионерском сборе...»

-Витёк, а почему всё-таки Шурка такой злой против санчасти?..

-А ты не знаешь?.. Да Верка Сорокина недавно сказала ему, что Танька влюбилась в тебя без памяти...

Вовка был готов ко всему, но только не к такому повороту.

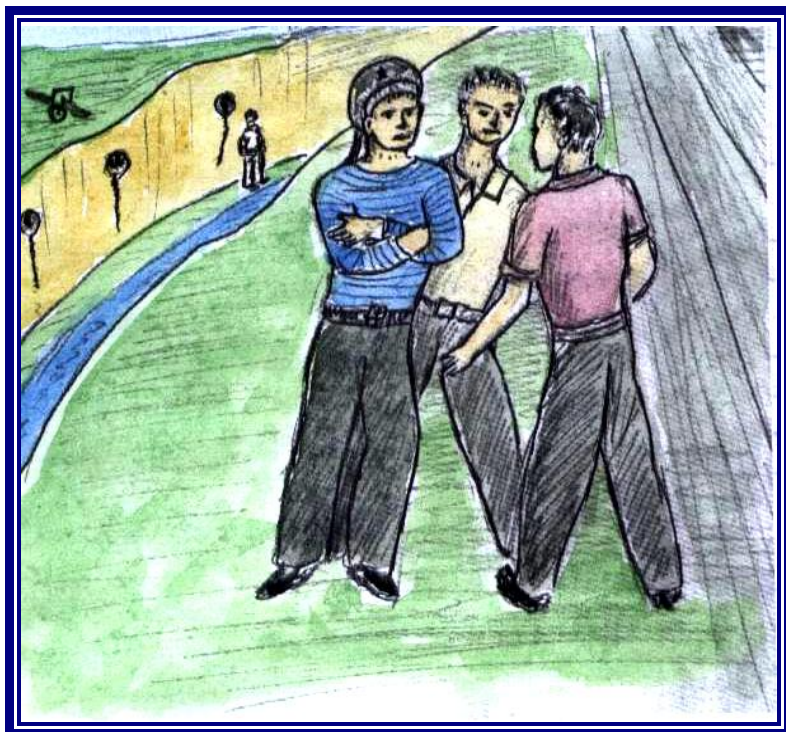
-Тебе... тебе кто это сказал? - помолчав, выдал из мешанины мыслей Вовка.

-Да сам Шурка и сказал.... Поэтому он и назвал тебя при всех девчатником.

«Девчатник» – что может быть позорнее для воина и командира, которым считал себя Вовка, несмотря на заваруху. Между тем в голове крутилась карусель:

«Любит... любит меня без памяти... Ну и Танька... зачем же она всем рассказала, особенно болтушке Верке?..»

Но против прозвища надо было бороться, и Вовка с ребятами решительно спустились на Овражную. Васёк первым увидел Вовку и подошёл к землянке, Шурка пил воду из родника, но тоже сразу поднялся.

-Значит, по-твоему, я девчатник? – упёрся Вовка взглядом в широкий Шуркин лоб.

-А сам-то ты как думаешь?..

-Из-за санчасти и из-за того, что тебе глупая Верка наболтала, ты такую бучу затеял... А если сейчас сюда придёт Танька и скажет, что в тебя Верка влюбилась, то тогда может тебя совсем расстрелять по приговору трибунала?..

-Пусть сперва докажет...

-А про меня уже доказано что ли?.. Короче, я предлагаю прямо сейчас собраться всей командой и поставить вопрос о санчасти на голосование... А если кто-то кого-то любил или полюбит, то это... это личное дело каждого...

-Правильно!.. И Алькиных ребят надо позвать, - совпали Витькины соображения с Вовкиными. – Чтобы всё по справедливости...

Суетившийся рядом братан Серёга подхватился и бегом в сторону пожарки.

-Я за Алькой!..

Хмуро молчавший до поры Васёк, вдруг снова, как неделю назад, весомо заявил, глядя вслед набравшему скорости Серёге:

-Зачем нужна лишняя волокита – собрание, пионеры, голосование?.. Мы и так уже с Шуркой здесь поговорили и решили, что санчасть нужна... А сейчас он сопротивляется понарошку... девчонки ведь не виноваты, что они девчонки – так что пускай приходят...

-Раз так, то конец анархии. Теперь всё должно быть, как раньше! – жёстко брал командование в свои руки Вовка. – И вперёд никаких обид и подозрений, как записано в договоре с плахинцами.

Переворот, так и не получив развития, заглох в самом зародыше. Таньке Вовка всё-таки сказал, что в строю медперсоналу стоять не обязательно, но Танька – теперь уже узаконенный в приказе главный врач военного госпиталя, выдвинула встречное требование.

Теперь по утрам санчасть проводила медосмотры личного состава. Танька и её помощницы придирчиво разглядывали руки и ноги – чтобы никакой грязи и болячек, а тем более цыпок. Беспрекословно заставляли мыть шею, уши... А потом санитары даже взялись стирать майки и рубашки особо зачуханных пацанов – были и такие.

Окончательную точку в событиях, связанных с переворотом, поставил факт, о котором Вовке рассказала Танька. Да, Шурка всё-таки смирил гордыню и навестил санчасть. Правда, там он пробыл недолго, но, по словам Таньки, ничего плохого он в санчасти не нашёл, а она самолично смазала ему йодом какую-то царапину...

И всё же за обыкновенными буднями Вовка не забывал о том, что недавно передал ему Витёк о Веркиных словах про...

-Слушай Тань, - остановил он как-то главврача возле санчасти. – Что это Верка наговорила Шурке про тебя и про меня?..

-А что?.. Я...

Вовке показалось, что у Таньки покраснели даже её золотистые волосы.

—Я не знаю, что там Верка наболтала... я её хотела даже выгнать из санчасти, но девчонки упростили оставить...-тихонько лепетала Танька, вряд ли сама понимая то, что говорит...

Вовкина решимость тоже внезапно куда-то улетучилась. Он понял, что разговора, а тем более объяснения не получится и, сделав вид, что ему как всегда срочно куда-то надо, отвалил. Танька сразу исчезла в люке...

Спустя годы к Вовке, как и ко всем людям, пришла любовь, но это было уже без Таньки...

Карабаш Переход

В Зеленогорске уже давно шли разговоры и среди взрослых и среди пацанов всех возрастов о том, что возле Карабаша – это хоть и подальше Шешмы, но тоже совсем недалеко – построили большую плотину и среди высоких холмов и полей разлилось целое море. Его так и стали называть – Карабашское море.

В частых походах вокруг Зеленогорска ребята повидали на своём коротком пока веку многое: и леса разные, и поля широкие, и речки с озёрами, и пещеры глубокие... А вот море... Ну как им теперь прожить без него?!..

После недавнего кратковременного переворота Вовке надо было укрепить свой командирский авторитет, давший хоть и небольшую, но трещину. Он принялся пока в одиночку разрабатывать маршрут и детали предстоящего похода. У Вовки была карта Зеленогорского района, которую он перенял из мелкомасштабной настоящей и строго пропорционально увеличил её в несколько раз. Карта эта была до предела разрисована разноцветными стрелками бывших походов, но узкий сектор к северу-востоку от деревушки Иркен и до Карабаша был девственно чист.

«Если двинуться напрямую – через больницу и полями до Иркена, то получится меньше двадцати километров, - грызя карандаш и развалившись животом на карте, прикидывал у себя дома Вовка. – Но полями на самокатах не проедешь... А круговую по асфальту получается чуть ли не в два раза дальше, так что в этот раз придётся идти пёхом...»

Когда Вовка посчитал, что маршрут и план похода вчерне готовы, он засунул под рубаху карту и обычным порядком спустился на Овражную. После утреннего строя и

подъёма флага, Вовка позвал в землянку весь состав штаба. Все серьёзные планы разрабатывались и принимались только в главной штабной землянке за командирским столом при свете керосиновой лампы.

Конечно же, против похода на Карабашское море никого не оказалось. За столом оживлённо загудели, как всегда в таких случаях.

-Самое главное: на сколько дней решаем делать поход?.. И второе – как будем добираться? – задумал Вовка сначала послушать мнение ребят. – Васёк, как ты думаешь?..

-Я предлагаю в этот раз малышню с собой не брать! – не дал прямого ответа Васёк. - Карабаш – это совсем не Шешма и дорогу мы туда почти не знаем.... Вот кто здесь есть – те и пойдут...

-Правильно... даже Серёге нечего делать в таком дальнем походе, - вступил Шурка. Как ни странно, но с ними согласился и Витька.

-Я без Нагана не пойду, - помрачнел Алька. – Мы с ним всегда вместе – куда я, туда и он...

«Вот тебе на... не успели разговор начать, а уже разногласия...» – пока молча наблюдал Вовка за советом штаба.

Но пора было высказаться и ему:

-До моря даже напрямую почти двадцать километров, а это пять часов непрерывной ходьбы.... Да ещё с собой поклажу нести, - медленно начал излагать план командир, решив, что в главном мнение штаба уже ясное. – Думаю, что самокаты в этом походе нам не помогут, потому что идти придётся долго без дороги. Поход должен быть не меньше, чем на три дня – много времени уйдёт на переход туда и обратно, да и море надо будет как следует изучить, посмотреть его берега, узнать где лучше клюёт рыба и где удобные стоянки...

Маршрут похода Вовка наглядно показывал на ярко раскрашенной стрелками карте, на которой само море пока обозначено не было. Это ребятам только предстояло сделать.

-А малышню на три дня и родители не отпустят. Здесь я с Васькой очень даже согласен, - закончил вступительную часть Вовка.

-А за Нагана я ручаюсь... его под мою ответственность отпустят, и хныкать он не будет. На крайний случай – я ему буду помогать, - твёрдо стоял на своём Алька.

-Насчёт Нагана можно и согласиться, тем более, что за него ручается Алька, а про других никаких разговоров! – рез-

ко отрубил Васёк. – А ты, Витёк, наоборот предупреди мать, чтобы она на этот раз с нами Серёгу не отпускала.

–А кто огород поливать будет?.. Мы с ним и сами договоримся, - быстро согласился Витька. – Он в другой раз пойдёт...

–Теперь надо распределить – кто что берёт с собой из дома, - снова продолжил командир о задачах на предстоящий поход...

Были распределены не только продукты по возможности каждого, но и тёплые вещи. В список даже внесли пару стареньких одеял. Не забыли и топоры, лопатки, верёвки – всё это могло пригодиться при строительстве шалашей или землянок – смотря по условиям подручных материалов.

–Если не будет сильного дождя, то завтра в пять утра все собираемся возле землянок, отсюда и двинем...

Дома мать помогла Вовке собрать картошки, крупы, ещё всякого добра по мелочи. Утром отец, как всегда, напутствовал:

–Смотрите, много не купайтесь, далеко не заплывайте... и по дорогам с машинами ходите меньше...

...Возле землянок первыми были, как ни странно, Алька и Наган, которые жили дальше всех.

–Чего это вы раньше всех успели?.. Боитесь, что без вас уйдём, - неловко пошутил Вовка.

Алька хмуро молчал, Наган тоже что-то молча рассматривал в своём большом мешке у ног.

Витьку провожал Серёга. По выражению лица младшего можно было догадаться, что за договорённостью братьев кроется многочасовая тяжба, но сейчас Серёга держался спокойно.

–Ты только Барсика не потеряй, - дрогнувшем всё же голосом дал он наказ старшему брату.

Шурка и Васёк ещё раз проверили снаряжение, прикидывали, чтобы у каждого поклажа была примерно одинакова, не считая Нагана. У него-то как раз и оказался самый тяжёлый мешок.

–Это Наиль мне столько картошки насыпал, - валил он на своего старшего брата. – Сказал, что рыбу мы в Карабашском море всё равно не поймает, она еще там не развелась...

У Нагана забрали почти всю картошку, и растолкали её по остальным рюкзакам... Алька сверил часы возле гаубицы со своим компасом.

–Уже половина шестого!.. Пошли!..

Шестеро смелых спустились в Первый посёлок и на приступ взяли крутую больничную гору, наверху которой раскинулись бараки поселковой больницы - отсюда и название горы. Когда-то в этой больнице лежал Вовка с поломанной ногой. Здесь, возле большого родника, сделали первый лёгкий привал.

-Слушайте... а почему родник течёт на вершине горы?.. Почему он не пробился снизу, где-нибудь возле посёлка?.. Вода-то всё-таки должна в землю просачиваться, а не вверх из неё идти...

-Тут пласты всякие, они по-разному расположены, вода сквозь камень и глину не просачивается, а течёт по песку и гравию... А здесь как раз песок, вот она и вышла, - как смогли, объяснили Алька и Вовка местную геологию своим любознательным спутникам.

Плоская вершина больничной горы, поросшая березняком вперемешку с соснами, быстро кончилась, и ребята неожиданно выскочили на небольшую полянку, откуда вдруг открылась вся необъятность родного простора. Изумрудно-зелёные, нетронутые ещё плугом луга были густо исполосованы степным ковылём, который струился тихими серебристыми ручьями среди зелёных цветистых берегов.

Справа большое и чистое поле мягко касалось о стволы разнолиственных деревьев и сосенок. И чем дальше к горизонту, тем всё более исчезала граница между зелёным покровом лесов и полей. На небе ни одного облачка... Солнце набирало обороты, забираясь всё выше и выше, и заливало пацанов по самую макушку утренним теплом.

Да разве можно проспаться такую красоту дома в душевой койке!..

Вдали и слева виднелась небольшая деревенька, над ней громоздились высокие, безлесные холмы, на которых уже давно оставили свои следы многие поселковые ребята. Эти холмы славились богатыми ягодными и грибными местами... Обалдевшие туристы долго ещё стояли, обдуваемые лёгким, шёлковым ветерком, который нёс собой всё то, что не сможет он принести со всех хлебных полей, вместе взятых...

Вокруг и в душе было столько восторга, что хотелось сложиться в клубок и катиться с высоты как можно дальше и дальше. Ребята так и сделали, а когда перевели дух, то им и в самом деле показалось, что они не просто сбежали, а скатились в эти певучие и пахучие, цветистые луга...

И тем неожиданнее перед ними вдруг возникло большое пятно грязно-красной глины, посередине которого торчала ржавая, изогнутая труба.

-Факел... только почему-то не горит, - произнёс кто-то, хотя все и так знали, что это потухший или потушенный на время нефтегазовый факел...

-А трава-то как забрызгана...

Да, трава, которой так любовались пацаны с верхотуры, на десятки метров вокруг голого рыжего пятна была окроплена чёрной, вонючей нефтью.

-А сколько таких факелов кругом – и горящих и потухших... даже отсюда можно насчитать больше двадцати штук и возле каждого такое... а на горах и за горами сколько их торчит, - ещё долго переговаривались ребята, шагая прочь от рукотворного, гиблого места...

В нефтяном краю они, конечно же, не раз уже видели факела, видели вышки и всё, что сопровождало их... И всегда при виде этого Вовке представлялась грязная большая клякса на белоснежном листке из школьной тетради, которая всё больше и больше разрастаясь, пожирает светлую и беззащитную чистоту...

Но вот и открылась деревушка. Из дощечки на дороге ребята узнали, что это Иркен. На улочках и переулках множество гусей, кур и уток, а сразу за деревушкой вплотную речушка, на берегу которой устроили большой привал с костерком, перекусом и лежанием – валянием.

Алька даже успел и здесь поймать парочку пескариков среднего размера, но к морю их нести было несолидно и рыбок отпустили. С утра хмурые Алька и Наган (из-за того, что не хотели брать Нагана) на ласковом берегу совсем растаяли. Наган наоборот старался показать, что он не устал и иногда выбегал с Барсиком вперёд, но Алька всё-таки строго одёргивал его.

-До Карабаша-то, считай, дошли, а никакого моря почему-то не видать, - озирался по всем сторонам света Шурка. – Алька, а почему Карабаш так называется?..

-Вон та гора, которая выше остальных, называется Чёрная голова, а по-татарски это и будет Кара баш, - сразу ответил Алька. - Здесь мои бабушка с дедушкой живут – поэтому я и знаю. У них я в прошлом году был и раньше тоже бывал, но тогда ещё моря не было... Неплохо бы и сейчас вернуться к ним хоть ненадолго...

-Нет... если и завернём, то на обратном пути. Сначала надо море найти – может, оно как раз за той самой высокой горой...

-Ну и море... что же это за море, если его искать приходится?... – снова устало и недовольно прокряхтел Шурка. – Настоящее море издали слышать и видеть...

-Алька!.. Вон старичок идёт – догони и спроси его...

Алька и Наган, перемешивая русские и татарские слова, быстро выяснили, что идти надо туда, куда старичок махал своей палкой.

Море

С трудом преодолев последний, затяжной подъём, ребята, наконец, увидели большую воду, но шли они до неё ещё больше часа.

-Ты прав, Шурка, - перекликались ребята. – Море и в самом деле издали видеть...

Но вот и берег. Слева казавшаяся невысокой от уровня воды серо-белая плотина, до неё на глазок метров двести, а может и все триста... Огромное количество воды в одном месте поражало всякое воображение.

-Да... это тебе не пруд в Первом посёлке и не речка Шешма, а тем более, наша запруда. Тут, наверное, и пароходы всякие могут плавать... А вон лодка моторная – вот это скорость!.. – восторженно вопили ребята, радуясь ещё и тому что долгое и утомительное путешествие подошло к концу.

Сложив снаряжение и сбросив одежку, осторожно зашли в воду, где неспешно промерили дно на ближайшие пару десятков метров от берега, а потом закуролесили кто во что горазд. Солнце стояло на самом вершине и успело к приходу ребят как следует разогреть мелководье. «Морское» дно было ровно застелено тугим, чёрным илом, в котором совсем не тонули ноги. Смелый Барсик тоже не остался на берегу, а весело лаял, стоя и плавая по грудь в воде.

Накупавшись и сбросив в карабашскую воду груз усталости двадцатикилометрового перехода, ребята стали решать: «Что же дальше?..» Место, так хорошее для купания, было совсем голым – ни деревца, ни кустика и никаких дров.

-Надо идти по берегу вверх от плотины – должны же где-нибудь хоть кусты какие расти, - предложил Вовка.

Отдохнувшие и перекусившие искатели приключений не возражали, и маленькая цепочка потянулась вдоль тихо

шелестящей воды. Шли долго... обходили глубоко врезавшиеся в берег заливы и наоборот срезали углы, пересекая части суши, полуостровами вклинившимися далеко по водной поверхности.

-Может здесь вообще ничего не растёт, кроме травы, - начали потихоньку психовать ребята. – Так можно и до самого конца моря дойти...

-Был бы хоть лес недалеко – ночёвку бы там устроили, а то отсюда до самого ближнего леса не меньше пяти километров...

И всё-таки упорство было вознаграждено. Перед ними, наконец, открылся большой залив, а там где залив упирался своим треугольным языком в невысокий берег, густым зелёным оазисом высматривались какие-то деревья.

-Ур-ра-а!!! – ринулись ребята строго по прямой к своей будущей стоянке.

Место и впрямь оказалось лучше некуда... здесь и поляна с выступом в залив, и полузатопленные деревья, некоторые из которых стояли без листьев.

«Дрова!..» – сразу прикинули хозяева живописного уголка...

Но самый щедрый подарок – это полуразвалившаяся халупа, на первый взгляд похожая на самый обыкновенный деревенский домик, но без окон - без дверей и даже без половины крыши. Для жилья эта халупа, конечно же, не годилась из-за человеческого свинства внутри, да и ребята свежий воздух всегда предпочитали любой цивилизации. Но зато четыре стены с перегородкой, солома на крыше – это же целая куча всякоразного строительного материала.

Когда первое исследование было закончено, решили, как всегда, распределить обязанности:

-Алька и Витёк, вам всегда везёт на рыбалке – ищите червей и попробуйте ловить. Хотя для навару что-нибудь надо поймать. А мы будем доски отдирать для шалаша... Наган, ты тоже с рыбаками оставайся...

Вот где пригодились топоры и крепкие лопаты. Васёк и Шурка лихо орудовали ими, передавая Вовке доску за доской, а тот выкручивал ржавые гвозди, и если они не поддавались, круто загибал их, чтобы никто не поранился.

А тут ещё одно чудо!.. Подыскивая подходящий ивовый прут для удилища, Алёк обнаружил на поляне сухую ложбинку:

-Готовая землянка!.. Сверху только осталось накрыть, а вниз настелить соломы! – радовались пацаны ещё одному подарку от Карабашского моря.

К Алькиной находке подтащили всё, что удалось нако-вырять из халупы на первый раз. Подровняли неглубокие склоны и дно ложбинки, сверху застелили досками и камышом – получилась узковатая, но зато длинная и вполне добротная землянка, пол в которой застелили соломой из всё той же избушки.

Покончив с устройством жилья, стройбат принялся заготовливать дрова... а у рыбаков и впрямь дела шли не блестяще. Здесь не было того безостановочного клёва, как на Шешме или на Зае. Недавно заполненное огромное водохранилище, наверное, и в самом деле, как говорил Наиль – брат Нагана, не было пока обжито ни людьми, ни рыбой.

И всё-таки Алька выловил целых три краснопёрки, а к ним светящуюся лунным блеском плотвичку. Витёк, стоя рядом, поймал одну крупную сорожку и двух знакомых пескарей. Но больше всего повезло Нагану - когда поплавок его удочки вдруг резко, без всякого клёва, ушёл под воду, то тащить добычу ему помог Алька:

-Удилище ломается!.. Перехватывай за леску!.. Потихоньку – сильно не рви!.. – шёпотом кричали друг на друга рыбаки...

Наконец, над поверхностью воды показалась и добыча.... Но на крючке висела никакая не рыба, а всего-навсего чёрная, лохматая коряга. Ребята уронили подбородки.

-Коряга шевелится!.. – вдруг снова, теперь уже в полный голос, заорал Наган...

Когда с «коряги» сняли куски тинной травы и водорослей, то перед ребятами во всей красе предстал огромный тёмно-зелёный рак, какого до сих пор никому и нигде видеть не приходилось. Он агрессивно щёлкал клешнями, намертво цеплялся за подsunутую ветку.

-Не повезло раку... мимо крючка проходил – вот и зацепился, - объяснил Вовка случай с раком. Но такую красоту надо было сбересть, и Наган решил его одомашнить.

Пока старшие ребята кашеварили, Наган выкопал в прибрежной глине полуметровую ямку, залил её водой и пустил туда усатого красавца. Для любого домашнего животного – прежде всего еда и Наган принялся за кормёжку. Чего только не предлагал он строптивому гордецу: и червяка пожирнее, и кусочки сала, и пойманную муху, даже крупу и кар-

тошку, но рак лишь махал перед собой клешнями, как бы отмахиваясь от подношений.

-Раки тухлятину едят, - вразумил Нагана, наконец, Алька.

-А где же её здесь взять?..

-Убей кого-нибудь и подожди пока протухнет, – хохмил по-чёрному Васёк. - Давай сам иди жрать, а то вперёд всех протухнешь...

Наган подсел к костру, вооружился ложкой, но взгляд его был прикован к ямке, где томился бедняга рак, объявивший голодовку.

-Отпустил бы ты его, – дал добрый совет Шурка. – А то ведь подохнет.

-А может, он чего-нибудь кушает, пока рядом нет никого... пойду, гляну.

И Наган с куском краснопёрки из ухи тихо заглянул в гости к раку.

-Нет... так и сидит молча.... Попробую я дать ему варёной рыбы.

Радости Нагана, да и других ребят не было предела, когда они увидели, как их новый друг принимает кусочки разваренной рыбы: маленькими лапками возле самого рта он быстро измельчал пищу и отправлял её по назначению.

-Будет жить! – торжествовал Наган – укротитель раков. - Раз он ест, значит и к нам привыкнет!..

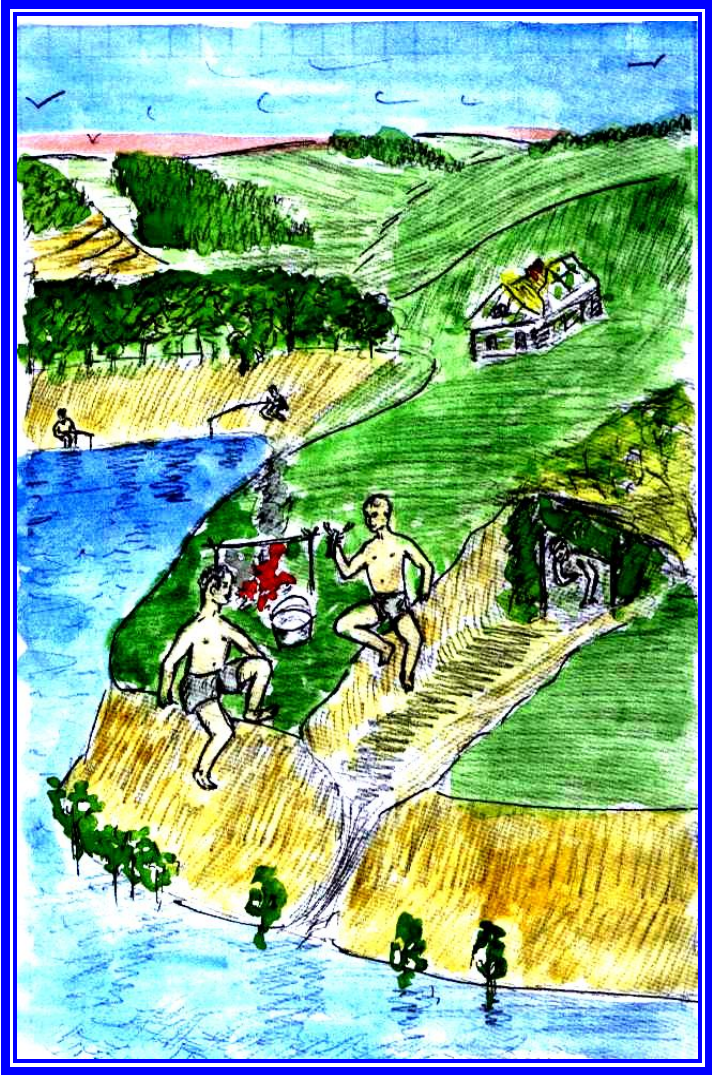
В этот вечер долго не укладывались спать, несмотря на свою сверхкомфортабельную землянку. Ребят никак не мог свалить с ног ни ранний утренний подъём дома, ни долгий переход, ни множество разнообразных впечатлений за один такой длинный-предлинный день. Треск костра, вспыхивающие искры над ним, огромное небо над головой, бескрайняя ночная вода... - всё располагало к безмятежному молчаливому созерцанию.

Наблюдая за лунной дорожкой, Васёк вдруг обнаружил чудо:

Смотрите!.. На воде дорожка есть, а там, - ткнул он пальцем в небо, - нет.... И где дорожка кончается и в небо переходит – никак не понятно...

И в самом деле – пригляделись ребята: яркая лунная полоска на воде казалась бесконечной, но в тоже время куда-то исчезала.

-И звёзды тут другие – не те, что на Шешме в тот раз были...

-Почему другие?.. Те же самые, только с другого бока – Медведицу не видишь что ли?..

-А где здесь север? – спросил Наган.

Все ребята – давно уже опытные туристы знали, как определить север по Большой Медведице и Полярной звезде и Нагану это обстоятельно растолковали...

Прикорнули в землянке только перед рассветом, а через часок-полтора их уже разбудил Наган, который так и не заснул, стоя на карауле возле своего, теперь уже вполне домашнего рака.

-Уже совсем светло... вы же сами сказали, что на утренний клёв надо рано вставать...

Когда рыбаки разобрали утренние удочки и разошлись по берегу, Наган всё-таки залез в землянку, не забыв наказать Альке, чтобы тот приглядывал за раком.

Берега Карабашского моря в ранние рассветные часы были пустынно. Только через час затарахтел мотор, и на другой стороне залива показался мотоцикл с двумя мужиками. Каждый из них забросил аж по три удочки, укрепив их на суковатых рогульках.

-Ну, как?.. Ключёт помаленьку?.. – неожиданно громко разнеслось вдруг над водой с другой стороны.

-Да есть немного, - кивнул суеверный, как и все настоящие рыбаки, Алька.

Вчера «стройбат» так и не успел толком порыбачить, и остался без улова, теперь вчерашние строители мечтали наверстать упущенное. Рыбалка – одно из самых замечательных занятий, которые придумал человек, и вместе с тем она одна из самых доступных всегда и везде, где есть хоть какая-то мало-мальская вода. А тут целое, пусть и рукотворное, но всё же море...

И был клёв. Не прав оказался Наиль – брат Нагана. Нет, ребята не вытаскивали многокилограммовых карпов или сазанов, их вполне устраивали широкоспинные краснопёрки, плоские сорожки и плотвички с пескарями. Но частые на Шешме и Зае пескари и плотва попадались меньше, здесь всё больше водились краснопёрки и сорожки. Такой крупной и красивой рыбы и в таком количестве никто из ребят никогда и нигде ещё не ловил...

Утренний клёв кончился внезапно – как по команде. Понаблюдав за неподвижным поплавком ещё минут десять, Вовка с уловом направился к костру, куда, будто бы сговорившись, почти одновременно подошли все. Больше всех, как

всегда, наловил Алька, самая крупная краснопёрка тоже была у него.

-Вместе с хвостом сантиметров двадцать пять будет, если не больше...

Глазомер Альки оказался верным. По длине рыбины уместилось целых пять спичечных коробков и ещё полкоробки. А всего солидной рыбы получилось больше пятидесяти штук, не считая плотвы, пескарей и нескольких ершишек, которые среди остальной рыбы казались маленькими чудушками в перьях.

Меньше всех, и тоже как всегда, поймал Васёк. Он никак не мог долго усидеть на одном месте. Ему всё казалось, что вот возле той кочки будет клевать лучше, и он перемещался на кочку. Посидев пару минут, он начинал озираться по сторонам, высматривая ещё лучшее, как ему казалось, место. Так он и мотался без особого толка строго по поговорке: рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше...

Утреннюю уху сварили быстро, натрамбовались до упора и, теперь уже с полным чувством умиротворения, забрались на королевское ложе в землянке и заснули вповалку, толком и не уложившись. Выспавшийся Наган снова принялся воспитывать норовистого рака, одновременно охраняя покой своих товарищей.

Он вытаскивал рака из ямки, ловко хватая двумя пальцами за зелёный панцирь, и наблюдал за ним, пока тот, пытаясь, «как рак», обнимался клешнями с кустиками травы. Когда усач отползал уж слишком далеко, Наган приносил его обратно и подавал ему варёного пескаря. Но на берегу вредина рак не ел даже рыбу...

Зато в своей ямке он, искоса поглядывая на своего хозяина, лихо наяривал рыбёшку, которую Наган уже не мельчил, а подкладывал целиком или большими кусками, с которыми рак уверенно расправлялся при помощи своих громадных клешней, переправляя по назначению мелкие кусочки теми же лапками возле рта.

Вовка проснулся от того, что дальше спать было некуда. Оглядевшись по сумраку землянки, он увидел только Витьку, который, лёжа на боку, обнимался с Барсиком. По землянке от выхода до отдушины наверху струился слабый ветерок, принося с собой запах костра, смешанный с запахом воды, камыша и солнечного тепла.

-Витёк, ты спишь?.. А когда пацаны вышли?.. Я что-то и не слышал.

-Да только что все вылезли... Алька собирался рыбачить, а Васёк с Шуркой пошли халупу доламывать...

Вовка выбрался на полянку, за ним выскочил Барсик и залаял в землянку, вызывая на свежий воздух лентяя Витьку.

-Какая сейчас рыбалка?.. Самая жара... рыба тоже отдыхать должна.

-А где Алька? – спросил Вовка Нагана, дежурившего на своём посту с куском рыбы. – Слушай, он у тебя от обжорства не лопнет?.. Сам потом будешь виноват и горячими слезами заливаться... и правда!.. Ты чего зеваешь?!.. Смотри, у него же панцирь раскололся!..

-Где?!.. – вскинулся укротитель раков. – Ты чего обманываешь?..

Он поднёс яростно махавшего клешнями рака под самый свой нос и внимательно осмотрел со всех сторон.

-Он тебе за твою заботу случайно нос не оторвёт?..

-Да мы уже с ним запросто за ручки здороваемся...

Наган и впрямь подсунул свои тонкие пальчики под брюхо раку, за которые тот тут же ухватился.

-И совсем не больно...

И всё же было видно, что Наган стоически терпит. Но долго он всё же не выдержал и вырвал свои пальчики, на которых отчётливо просматривались красные полосы.

-Это у него просто сил не хватает... пока... а вот он на твоих харчах подрастёт и сил наберётся, тогда...

-Он уже и так большой и расти не будет...

Витёк послушался, наконец, Барсика и тоже выгребся из землянки.

-А ты его домой что ли возьмёшь? - спросил он насупившегося Нагана. – Или опять в море выпустишь?..

-Куда домой?.. – горестно вздохнул маленький укротитель. – Чем я его там кормить буду?.. Капустой что ли... лучше я его отпущу к себе домой, обратно в воду...

Встреча у моря

Васёк с Шуркой и в самом деле возились возле халупы, откуда доносился стук и скрежет. Алька стоял на той стороне, где утром рыбачили мужики, давно уехавшие на своей таратайке. Возле него на тех же рогульках торчали три удочки – он забрал Шуркину и Васькину. Витёк тоже взял свою и Вовкину, и присоединился к Альке.

Вовка решил глянуть на вчерашних строителей.

-Я больше сегодня рыбачить не буду, я плот себе сделаю и поплыву на тот берег моря, - заявил Васёк, грохая топором по брёвнам.

-Я тоже себе сделаю, и мы поплывём на перегонки! – горел азартом Шурка.

-Зачем наперегонки? – задумался Вовка, сразу схватившись за идею. – Надо построить один большой плот и поставить на него мачту с парусом из одеяла. Только плот надо делать около воды, а то получится как у Робинзона...

-У какого бизона? – не расслышал грохавший топором Васёк.

-У того, который строил много лет подряд огромную лодку, а потом не смог дотащить её до берега моря...

-А... это у Робинзона Крузо. А мы и вправду тут, как робинзоны...

-Только вот отсюда до посёлка с людьми всего пять километров, - подливал дёгтя в бочку романтики Шурка. – А до плотины с охранником и того ближе...

Но с предложением Вовки про один большой плот друзья сразу согласились. Да и мельчить такой материал из хороших брёвен по маленьким плотам было явно неразумно.

Сковырнув первое бревно с той стороны, где не было кровли, Васёк и Шурка быстро раскатали всю стену. Подоспевшие Алька с Витькой, которые поняли зрящность полу-денного лова даже на море, таскали брёвна к берегу. Там Вовка с Наганом сколачивали их гвоздями поперёк досок и сверху и снизу, а дополнительно ещё и стянули прочными верёвками.

Получился не просто примитивный плот, а целый крейсер... куда там лёгкие деревяшки на запруде!.. Навалившиеся гурьбой ребята еле-еле смогли столкнуть с берега в залив громадину с мачтой посередине, да и то только после того, как кто-то догадался подложить под плот короткие чурбаки вместо колёс.

Уже на воде чуть колыхавшийся крейсер украсили зелёным парусом из одеяла и синим флагом, так как под руками никакой красной материи не оказалось.

-Теперь надо дать нашему кораблю красивое название!..

Вперёд всех с предложением выскочил Витёк, который придумал назвать боевой корабль «Барсом». Все поняли, что это в честь Барсика и сразу согласились.

Первыми мореходами стали Шурка, Вовка и Васёк. У каждого в руках длинные шесты для управления плотом, которыми они мягко оттолкнулись от берега.

-Шурка!.. Ты у нас моряк – вот и команду на капитанском мостике...

Разве мог Шурка пойти к морю без своей гвардейской бескозырки и тельняшки.

-Полный вперёд!.. С якоря сниматься!.. По местам стоять! – явно от волнения перепутал порядок действий Шурка, но на плоту якоря никто не придумал и получился сразу полный ход, который только могли обеспечить сами мореходы при помощи шестов.

-Вовка!.. Возьми удочку на всякий случай – вдруг какую-нибудь щуку поймашь на глубине! – кинул Алька снасть под мачту крейсера.

-Ловить, так уж акулу!..

Упираясь в дно залива шестами, ребята медленно скользили вдоль берега вперёд, к неизвестности. В заливе ветер не чувствовался и парус прямоугольным конвертом строго стоял впиритык к своей мачте.

-Какой плот получился!.. Сто лет не утонет, даже а самом настоящем море. Эх, вот бы его в посёлок на пруд... вот только в нашей запруде он и не развернётся... - возмечтал Шурка, но теперь уже Васёк прервал красивую мечту на полуслове:

-В поселковом пруду никто не разрешит на таком большом плоту плавать. Больно много пацанов вокруг будет, каждый захочет залезть – получится куча-мала, а там и утонуть какому-нибудь дураку будет недолго...

-А вы что, правда на тот берег задумали плыть? – глядя на молчащий парус, спросил Вовка. – Туда без мотора за целый день не доплывёшь... давайте-ка лучше пока вдоль берега. Будет ветер – там посмотрим...

На воде водные просторы кажутся куда большими, чем с берега и, когда плот вышел на середину залива, то Шурка и Васёк тоже единогласно решили далеко пока не заплывать.

Берега Карабашского моря с борта крейсера «Барс» казались ещё более пустынными. На всём расстоянии, куда хватало глаз, только ровные луга левого берега. Чёрными точками шевелились одинокие рыбаки, которых можно было сосчитать на пальцах одной руки, а хмурый и гористый правый «тот берег» и вовсе был неприступен.

Васька с Шуркой размеренно отгалкивались шестами и вели «Барса» к устью речки, которая дала начало целому морю...

Вовка вспомнил, что он хотел поймать «акулу» и закинул удочку с кормы и теперь изредка взглядывал на поплавок, который резал воду вдогонку за плотом. Но быстро понял, что крючок с червяком скользит по самой поверхности воды и, отказавшись от этой затеи. Ветра не было, а так хотелось испытать парус, байковое одеяло которого никак не хотело наполняться ветром ни в ту, ни в другую сторону.

-Уже и нашего залива не видно, а до начала моря, может, и за два дня не доплывёшь... скоро вечер наступит, пошли-ка назад, - решили мореходы и развернули плот.

Идти обратно по пройденному маршруту, почти всегда менее интересно, чем вперёд, но в этот раз и на обратном пути друзей мореходов ожидал большой сюрприз... За одним из небольших мысков, на травянистом берегу, суетились три пацана. Завидев парусный крейсер, они одновременно приставили ко лбу ладошки и недвижимо уставились на непонятное плавсредство. Вовке показалось в их облике что-то знакомое.

-Пацаны, а не Витька ли это Плахин со своими ребятами?..

Васька и Шурка тоже пригляделись, и тоже узнали своих зеленогорских. Весь Карабаш огласился перекрёстными, приветственными воплями – на берегу и в самом деле торчали плахинцы!..

Сам Плахин со своими первыми друзьями Байраком и Тагиром приняли швартовый конец на своей стоянке у капитана крейсера «Барс» Шурки Иванчина.

-Как это вы здесь очутились?.. Когда пришли?.. И как это вы мимо нашей стоянки прошли?.. – высыпали мореходы кучу вопросов, едва соскочив на берег.

-Нас дядька Тагировский довёз до Азнакаевского перекрёстка на машине, и мы оттуда прямо сюда вышли совсем недавно...

-То-то мы вас не видели, когда в ту сторону плыли. Хотели до устья доплыть, а там конца и краю не видно... Так что вернулись, а тут и вы появились.

-А где это вы такой плот взяли? – конечно же, не могли не спросить плахинцы.

-Нигде не взяли – сами сделали... так что побыстрее собирайте свои шмотки и поплыли на нашу стоянку.

Шурка с Васькой передали свои шесты Байраку и Тагиру, у которых явно чесались руки, проинструктировали их, и плот продолжил обратный путь. Дополнительная двойная нагрузка никак не повлияла на плавучесть «Барса», у него и осадка почти нисколько не увеличилась.

-А как всё-таки вы надумали приехать? – спросил Плахина Вовка.

-Мы вчера пришли к вашим землянкам, там Серёга сказал нам, что вы на Карабаш ушли, а тут дядька Тагира приехал на машине - он где-то здесь поблизости работает. С ним мы и доехали в кузове до перекрёстка...

Когда «Барс» воткнулся в берег родной гавани, то плахинцы, в обычной своей манере, стараясь не слишком сильно выражать восторг, осмотрели стоянку.

-Да... у вас тут капитально всё, - сдержанно проронил атаман. – А мы чуть на голой земле не расположились...

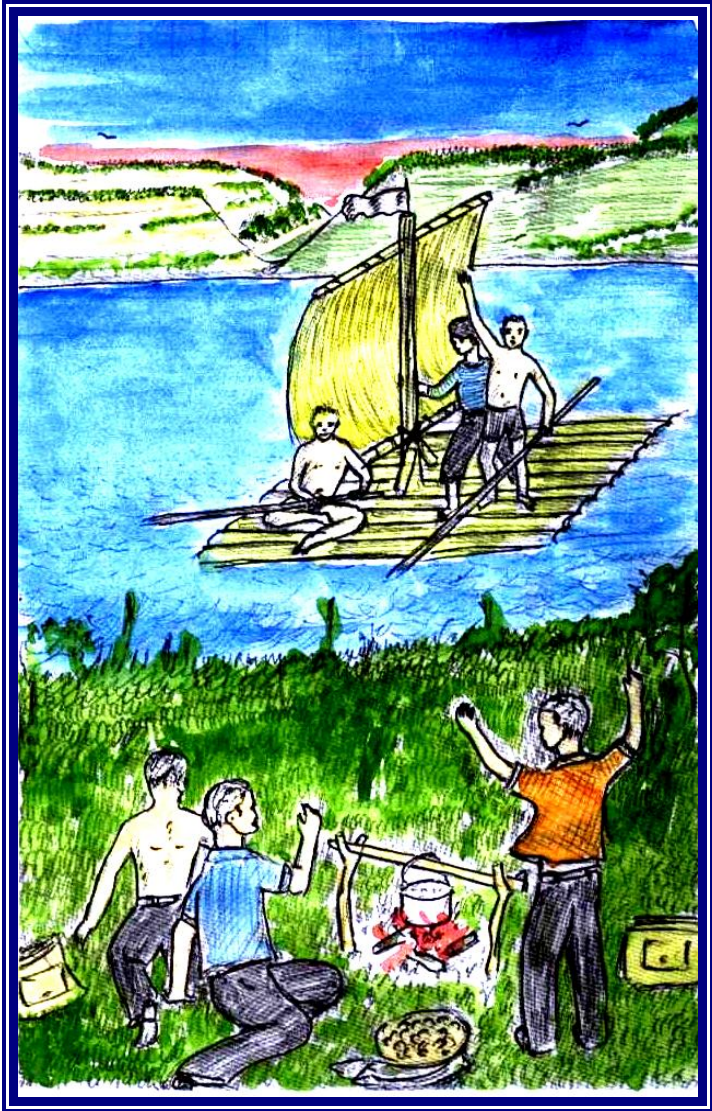
Гостеприимные хозяева наварили своей никогда не надоедающей ухи, разложили рукотворную самобранку, и пиршество вприкуску с бесконечными разговорами опять продолжалось до глубокой ночи. Тагир с Байраком время от времени помогали Нагану ублажать строптивного рака. Места в землянке хватило всем...

Утро началось как обычно. Плахинцы тоже размотали свои удочки и нисколько не отставали от панинцев в рыбной ловле, чем сильно удивили старожилов, которыми себя считали Вовка и его друзья. Но Алька всё же остался первым рекордсменом из представителей обеих команд.

А после клёва снова на плот. Шурка с Вовкой на этот раз вооружили его якорем из обломка чугуной печной плиты, которую нашли всё в том же домике. Чтобы было чем грести на глубоком месте, из досок вытесали вёсла по два с каждого борта. А пока велась подготовка, Алька, Витёк, Наган и плахинцы обкатывали «Барса», рассекая по заливу во все стороны.

-Ну что!.. Попробуем всё же на тот берег! – горячились Васёк и Шурка. – Раз берег видно, значит доплывём...

Вовка тоже прикидывал расстояние до крутых холмов, но понимал, что по воде на глазок дальность даже примерно не определишь. Больше всего уверенности мореходам придавал сам крейсер «Барс», его непотопляемость, да и штормато, похожего на «Девятый вал», на Карабашском море никак не предвиделось.

-Куда-нибудь всё равно доплывём, - забираясь на плот, снова внушали себе и остающимся Шурка, Вовка, Васёк и Витька Плахин.

На плот загрузили и провизию: целый котелок варёной ухи и сумку с печёной картошкой. Хлеб кончился ещё вчера, но ребята сильно не тужили. Не зря люди говорят, что картошка – второй хлеб и уха прекрасно шла вприкуску с картошкой в мундире.

Из залива по вчерашнему опыту вышли быстро, отталкиваясь шестами вдоль берега, но вот и открытое море. Шесты уложены на брёвна, и ребята взялись за вёсла по два гребца с каждой стороны. От близкой воды тянуло прохладой, цвет волны менялся от светло-зелёного до голубого и даже серого, но ребята заметили, что в кружке вода была одинаково чистой и прозрачной.

Солнце ещё не в самом зените, хотя и жарит вовсю. Исходящая от воды свежесть смешивается с солнечным теплом и получается какой-то особенный микроклимат. Однако, работа вёслами всё больше и больше давала себя знать – на голых спинах и плечах давно появился влажный блеск, всё чаще и чаще вдох и выдох.

-А ведь тут есть течение, - определил вдруг Шурка-морьяк. – Может, отдохнём немного и посмотрим, куда нас понесёт...

Отдохнуть, конечно, надо... плот действительно потихоньку двигался по ровной воде, что было заметно по медленно удаляющемуся берегу. Рыбацкой стоянки уже давно не видно и чем дальше становился берег, тем всё более чувствовалось движение... ветерка!..

Усиливающийся ветерок дул против течения со стороны плотины, которая белой полоской виднелась вдали. Когда плот развернуло передом к плотине, ветерок хоть и слабый, упёрся во всю парусную площадь. Крейсер «Барс» замедлил ход, и ещё через пару минут ребята заметили, что они движутся от плотины или против незаметного, но всё же течения со стороны речки Зай.

-Ур-ра-а!.. Парус заработал!.. Теперь только рулить надо – быстро доплывём!..

-Легко сказать... А чем рулить будем? – поубавил велься Витька Плахин. – Может, кто вместо флюгера встанет?

-Я читал рулить надо парусом или вёслами, но вёсла у нас маленькие, так что придётся пока только парусом. Надо повернуть его вокруг мачты...

И Шурка, которого не зря избрали капитаном, подступился к реям. Но перевязывать реи оказалось делом хлопотным, поэтому их вместе с парусом силой развернули вокруг мачты почти на 45 градусов и «Барс» ещё увереннее заскользил по лёгкой волне.

Потом догадались привязать нижнюю рею к брёвнам, и наступило полное блаженство: плот шёл сам собой!.. Иногда только приходилось менять угол паруса или чуть подгрести вёслами для перемены курса, но это уже была судовая работа, от которой насквозь веяло романтикой дальних морских походов!..

Ребята сидели на бревенчатой палубе, по которой то и дело прокатывались особо крупные волны. Теперь мореходам ничего не мешало глазеть по сторонам и выбирать место для причаливания среди, казавшихся всё также неприступными, высоких холмов. Вот и берег, круто падающий в воду, но капитан всё-таки сумел выбрать удобное место и скоро крейсер «Барс» причалил в облюбованной им бухточке.

Друзья не поленились и забрались на самую верхотуру холмистой гряды, которая образовала правый берег Карабашского моря, а сверху им вновь, как и с больничной горы, открылась панорама на десятки километров вдаль и в стороны. Узкая часть водохранилища блестела в лучах солнца – где-то там, у истока, его начало. Оно густо заросло прибрежными деревьями, а чуть дальше редко рассыпаны игрушечные домики небольшой деревеньки.

«На карте должно быть название этой деревушки – отсюда и положим начало Карабашскому морю на своей карте..», - не забывал Вовка и о научной цели выдающейся экспедиции...

С такой верхотуры хорошо просматривались и очертания «моря» с его извилинами и заливами, особенно левый берег, откуда они только что приплыли. Вовка старательно рисовал на куске картона всё, что успевал заметить на обоих берегах.

Вторым зелёным оазисом с деревьями на левом берегу был как раз тот залив, на самом конце которого слегка дымился костёр, просматривались остатки избышки и шевелились тёмные точки, а вот укромной землянки из такой дали видно не было. Далеко справа прямая стрелка плотины, а почти сразу за ней виднелся посёлок Карабаш, над которым возвышалась Чёрная голова с буровой вышкой на самой вершине...

-А хорошая у нас всё же природа.... вот в Саратове, где живёт мой дядя, кругом только одни поля и поля, и никаких гор, - сам с собой разговаривал Васёк. – Но речки тоже есть – одна Волга чего стоит...

-Вот бы сейчас разбежаться и прыгнуть прямо отсюда... интересно, до воды можно допрыгнуть или в землю трахнешься? – так и эдак прикидывал отчаянный Витька Плахин.

-Разбегись, да проверь... только я думаю, что ты точно в землю врежешься и не около воды, а прямо вот здесь – рядом, - отрезвил Витку Шурка, который с верхотуры продолжал любоваться своим «Барсом».

Вовка слушал откровения друзей и до боли всматривался в копошащиеся точки на стоянке.

«А ведь они, скорее всего, тоже нас видят... как мы ползаем букашками по этим горам.... Чудно - они букашки для нас, а мы для них...»

-В другой раз задумаете на Карабаш, нас предупредите, - перебил Вовкины мысли Плахин. – Мы тоже пойдём.

-А что - без нас не можете? Сегодня же приехали...

-Вместе веселее...

Кто бы спорил.

Вдруг светло-серой водомеркой по воде полетела моторка, курсом явно стремясь в бухточку с плотом. Встревожные ребята камнепадом спустились вниз. Мореходы успели отойти от берега бухты метров на двадцать, когда возле них, лихо крутнувшись на волне, остановилась алюминиевая лодка с двумя парнями на борту.

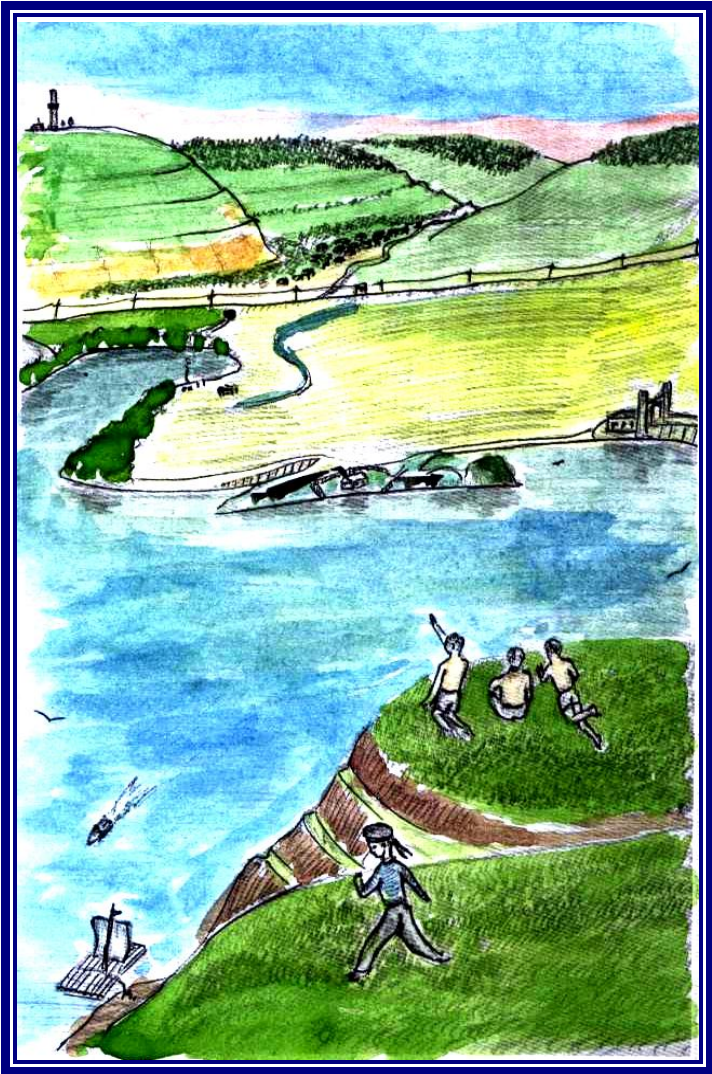
-Вы откуда такие лихие взялись?.. И что это за деревяшка у вас? - строго начали парни.

-Мы вам мешаем что ли?.. Или здесь вся вода ваша? – с выражением взялся за длинный шест Шурка, защищая свой крейсер. Остальная команда «Барса» тоже привстала.

-Да вы не бойтесь, – сбавили тон на моторке. - Нас с плотины послали посмотреть, на чём вы сюда приплыли. А то вдруг утонете – мы за вас отвечать будем. Мы знаем, что вы тут уже третий день... случайно, не видели где-нибудь мужиков с сетями?..

-Нет, не видели, - вздохнули ребята.

-А посудина у вас ничего – надёжная... так что плывите к своему заливу, а мы вас всё-таки немножко проводим для порядка...

Почётный эскорт довёл мореходов до самого залива, где моторка прибавила обороты, и быстро скрылась, оставив пенистый след.

Ребята на стоянке восторженно встретили мореходов, приуставших после дальнего морского похода, кроме того, по безветренному заливу снова пришлось идти на шестах. Впечатлениями обменивались недолго – надо было собираться.

-Ну, Наган, как твой рачище-паучище?..

-Пойду, отпущу, где поймал, - тихо горевал о разлуке Наган.

Все в последний раз посмотрели, как повеселевший рак винтом ушёл в глубину, не попрощавшись даже с Наганом, который на это не обиделся. Плахинцы решили остаться ещё «на одну или две ночи», а панинцы, передав друзьям богатое наследство, в том числе одеяла и остатки провизии, налегке зашагали в свой Зеленогорск...